

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ВАСИЛИЙ
ЯН

✦ Чингисхан. Батый ✦
Лучшие исторические романы
В ОДНОМ ТОМЕ

2023
МОСКВА

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я60

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Ян, Василий Григорьевич.

Я60 Чингисхан ; Батый : лучшие исторические романы в одном томе / Василий Ян. — Москва : Эксмо, 2023. — 672 с.

ISBN 978-5-04-174658-2

Два лучших романа известного русского писателя Василия Григорьевича Яна о монголо-татарских завоеваниях собраны в этом томе. События «Чингисхана» охватывают период похода на Хорезмское ханство, вторжения в Иран, на Кавказ и в южнорусские степи, включая знаменитую битву при Калке в 1223 г. В «Батые» основу сюжета составляет подготовка и поход внука легендарного полководца на Русь, закончившийся захватом и разграблением Рязани, Москвы и Владимира.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174658-2

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ЧИНГИСХАН

ЧИТАТЕЛЬ, САЛЯМ!¹

«Сокол в небе бессилён без крыльев. Человек на земле немощен без коня.

Все, что ни случается, имеет свою причину, начало веревки влечёт за собой конец её. Взятый правильно путь через равнины вселенной приводит скитальца к намеченной цели, а ошибка и беспечность завлекут его на солончак гибели.

Если человеку выпадет случай наблюдать чрезвычайное, как-то: извержение огнедышащей горы, погубившее цветущие селения, восстание угнетённого народа против всемогущего владыки или вторжение в земли родины невиданного и необузданного народа, — все это видевший должен поведать бумаге. А если он не обучен искусству нанизывать концом тростинки слова повести, то ему следует рассказать свои воспоминания опытному писцу, чтобы тот начертал сказанное на прочных листах в назидание внукам и правнукам.

Человек же, испытавший потрясающие события и умолчавший о них, похож на скупого, который, завернув плащом драгоценности, закапывает их в пустынном месте. Когда холодная рука смерти уже касается головы его.

Однако, отточив тростниковое перо и обмакнув его в чернила, я задумался в нерешительности... Хватит ли у меня слов и сил, чтобы правдиво рассказать о беспощадном истребителе народов Чингисхане и о его свирепом войске? Ужасно было вторжение этих дикарей из северных пустынь, когда во главе войска мчался их рыжебородый владыка, когда разъярённые воины на неутомимых конях проносились по мирным долинам Мавераннахра и Хорез-

¹ С а л я м ! — Привет! Подобные «Обращения к читателю» являются типичными для рукописей восточных авторов домонгольского периода.

ма¹, оставляя на дорогах тысячи изрубленных тел, когда каждое мгновение рождало новые ужасы и люди спрашивали друг у друга: «Засияет ли опять небосвод, затянутый дымом горящих селений, или уже наступил конец мира?»

Многие меня уговаривали поведать письменно все, что я знал и слышал о Чингисхане и о вторжении монголов. Я долго колебался... Теперь же я пришел к мысли, что в моем молчании нет никакой пользы, и я решаюсь описать величайшее бедствие, подобного которому не видывали на земле ни день, ни ночь и которое разлилось над всем человечеством, а в особенности над мирными тружениками твоих полей, измученный несчастьями Хорезм...

Здесь моя речь прерывается, чтобы не забегать слишком далеко. Старые люди подтвердят, что все, описанное мною, действительно совершилось.

Упорный и терпеливый увидит благоприятный конец начатого дела, ищущий знания найдет его...»

¹ *Мавераннагр* — название местности между Амударьей и Сырдарьей. Слово «Туркестан» тогда еще не знали. *Хорезм* — государство, существовавшее в низовьях Амударьи. В XIII веке Хорезму подчинялась огромная территория от Аральского моря до Персидского залива. О значении и культуре древнего Хорезма см. исследования члена-корреспондента АН СССР С. П. Толстова.

КНИГА ПЕРВАЯ

В ВЕЛИКОМ ХОРЕЗМЕ ВСЕ СПОКОЙНО

Часть I

В ПЛАЩЕ ДЕРВИША

Глава 1

ЗОЛОТОЙ СОКОЛ

Наша обитаемая земля похожа на развернутый старый выцветший плащ. Она представляет собою остров, со всех сторон омываемый безграничным океаном.

Из старинного арабского учебника

Ранней весной запоздалая снежная буря пронеслась над мертвыми барханами¹ великой равнины Каракумов. Ветер яростно трепал пробившиеся сквозь пески редкие искривленные кусты. Белые хлопья крутились над землей. Десяток верблюдов беспорядочно сбился в кучу возле глиняной хижины с куполообразной крышей. Куда девались провожатые каравана? Почему погонщики не сняли тяжелых выюков и не уложили их рядами на землю?

Верблюды поднимали облепленные снегом мохнатые головы, их тоскливые всхлипывания сливались с завыванием ветра. Вдали прозвенел колокольчик... Верблюды повернули головы в ту сторону. Показался черный осел. За ним, уцепившись за хвост, плелся бородастый человек в длинном плаще и высоком колпаке дервиша² с белой повязкой странника, побывавшего в Мекке.

¹ Бархан — подвижной песчаный холм, образуемый в пустыне действием ветра.

² Дервиш — персидское слово, означает «нищий». Дервиши составляли особую касту; объединялись в общины во главе со старшиной («широм» или «шейхом»). Дервиши носили особые плащи, умышленно покрытые множеством грубых заплат и перевязанные веревкой вместо пояса — знак добровольной бедности. Первоначально среди дервишей были и выдающиеся поэты и ученые, занимавшиеся философскими вопросами. В позднейшее время дервиши вырождались в тунеядцев, эксплуататоров народной темноты и невежества, лечивших больных заговорами, молитвами, занимавшихся гаданием, торговлей талисманами и разного рода шарлатанством.

— Вперед, вперед! Еще десяток шагов, и ты получишь свою долю соломы. Смотри, мой верный друг Бекир, кого мы встретили! Где стоят верблюды, там отдыхают их хозяева, а слуги уже развели костер. А разве там, где у костра собрались десять человек, не найдется горсти рисовой каши и для одиннадцатого? Эй, кто здесь? Правоверные, отзовитесь!

Никто не отозвался. Глухо звякнул треснувший колокольчик на шее верблюда-вожака.

Погоняя осла, запорошенный снегом путник медленно обошел постройку с низкой глиняной оградой. Дверь с искусно вырезанным узором была подперта колом. Позади хижины, на площадке, окруженной песчаными барханами, выстроились ряды безмолвных могил, старательно убранных белыми и черными камешками.

— Дервиш Хаджи Рахим Багдади приветствует вас, уснувшие навеки почтенные обитатели этой тихой долины! — бормотал путник, привязывая осла под камышовым навесом. — Где же сторож этого молчаливого собрания? Может быть, он в хижине?

Накрошив хлеба в пеструю торбу, дервиш подвизал ее к голове осла.

— Отдаю тебе, мой верный друг, последние остатки еды. Тебе она нужнее. Если мы за ночь не замерзнем, завтра ты потащишь меня дальше. Я уж буду согреваться воспоминаниями о том, как было нам жарко под пальмами благодатной Аравии.

Дервиш отбросил кол и открыл дверь. Посредине хижины, где обычно тлеет костер, потухшие угли покрылись пеплом. Крыша куполом уходила вверх, кончаясь отверстием для дыма. У стенки на корточках сидели четыре человека.

— Мир, благоденствие и простор! — сказал дервиш. Ему не ответили. Он сделал шаг вперед. Неподвижность, безмолвие и бледность сидевших заставили его быстро попятиться к двери и выскользнуть наружу.

— Хаджи Рахим, ты не должен роптать. Четыре мертвеца ждут, кто завернет их в саваны. А ты хоть нищ и голоден, но еще силен и можешь бродить по бесконечным дорогам вселенной... Рядом целый караван, потерявший своего хозяина. Если б только я захотел, я мог бы сделаться владельцем этих верблюдов, нагруженных богатыми вьюками. Но искателю правды, дервишу, ничего не нужно. Он останется бедняком и пойдет дальше, распевая песни. Однако нужно пожалеть и бедную скотину.

Дервиш обошел верблюдов, распутал на них веревки, разместил животных рядом друг с другом и опустил их на колени. Среди вьюков

он нашел мешок с ячменем и насыпал из него по несколько горстей перед каждым верблюдом.

— Если бы кто-либо спросил, сделал ли Хаджи Рахим за свою жизнь доброе дело, то эти верблюды ему могли бы хором спеть: «В холодную бурю дервиш накормил нас, и мы оттого не замерзли».

Всю ночь дервиш пролежал на связке камыша, прижавшись спиной к ослу, который тихо дремал, подобрал ноги. Утром ветер разматал тучи, и на востоке показалось солнце.

Увидев розовые лучи, скользнувшие по могилам, дервиш вскочил.

— В дорогу, Бекир, пойдем дальше!

Навьючив осла мешком с остатками ячменя, дервиш заглянул в хижину. Вместо четверых человек, сидевших у стены, теперь оставался только один. Раскрытые карие глаза смотрели тускло и не мигая.

— Куда же девались остальные мертвецы? Неужели они улеглись в могилы? Нет, Хаджи Рахим не хочет оставаться здесь; он пойдет дальше, в города Хорезма, туда, где много радостных людей, где льется беседа мудрецов, свежая, как молоко и мед.

— Помоги мне, правоверный! — прошептал хриплый голос. У сидевшего человека зашевелилась волнистая борода.

— Кто ты?

— Махмуд...

— Ты из Хорезма?

— У меня золотой сокол.

— Ойе! — удивился дервиш. — Правоверный, умирая, думает о своем соколе! Выпей воды!

Больной с трудом отпил несколько глотков из тыквенной бутылки. Его блуждающие глаза остановились на дервише.

— Меня тяжело ранили... разбойники Кара-Кончара... Три моих спутника ожидали горького конца, кто-то запер дверь, и мы не могли уйти... Если ты, правоверный, бросишь правоверного в беде, то это хуже убийства... — так говорит «благородная книга»...

Его зубы стучали лихорадочной дрожью, рука с мольбой протянулась к дервишу и бессильно упала. Больной повалился на бок.

Хаджи Рахим расстегнул шерстяную одежду больного. На груди темнела рана и сочилась кровь.

— Нужно остановить кровь. Чем перевязать его?

Рядом лежала толстая, искусно свернутая белая чалма¹. Дервиш начал ее разматывать.

¹ Ч а л м а — тонкая длинная ткань, которой мусульмане искусно обертывают голову.

Из тонкой кисеи чалмы выпала овальная золотая пластинка. Дервиш поднял ее. На ней был тонко вычеканен сокол с распростертыми крыльями и вырезана надпись из странных букв, похожих на бегущих по тропинке муравьев.

Дервиш задумался и более внимательно посмотрел на больного.

— На этом человеке огненные отблески будущих великих потрясений. Вот где скрыта тайна ожившего мертвеца, — шептал дервиш. — Это пайцза¹ великого татарского кагана². Этого золотого сокола надо сберечь; я отдам его больному, когда разум и сила к нему вернутся. — И дервиш спрятал золотую пластинку в складках своего широкого пояса.

Он долго возился с больным, пока не обмотал его раненую грудь тонкой кисеей чалмы. Затем он вышел из хижины, поднял одного из верблюдов и подвел его к двери. Он опустил верблюда на колени, перенес больного и усадил его между мохнатыми горбами, привязав волосяными веревками.

Когда солнце поднялось над барханами, дервиш шагал по тающему снегу едва заметной степной тропой. За ним семенил копытцами осел, а за ослом равномерно шагал высокий двугорбый верблюд. На нем беспомощно раскачивался привязанный больной.

— Вперед, Бекир! Скорее дойдем до Гурганджа³, где тебя ждет охатка сухого клевера. Здесь опасно. Из-за холмов вылетит разбойник Кара-Кончар и сделает рабом твоего хозяина, а с тебя сдерет твою черную шкуру. Скорей, подальше отсюда!

Глава 2

В ЮРТЕ КОЧЕВНИКА

Джелаль эд-Дин Менгбурный, наследный сын хорезм-шаха⁴, охотился в песках Каракумов. Двести лихих джигитов на отборных конях сопровождали молодого хана. Они выполняли тайный приказ шаха — следить, чтобы Джелаль эд-Дин не скрылся из пределов

¹ П а й ц з а — пластинка из металла или дерева с вырезанным на ней повелением Чингисхана; пайцза являлась пропуском для свободного проезда по монгольским владениям. Пайцза давала большие права: власти на местах должны были оказывать содействие, давать лошадей, проводников и продовольствие лицам, имевшим пайцзу.

² К а г а н — «хан ханов», повелитель монголов и татар.

³ Г у р г а н д ж (или У р г е н ч) — столица Хорезма, расположенная в низовьях реки Амударья, впоследствии разрушенная монголами.

⁴ Х о р е з м - ш а х — правитель Хорезма, в начале XIII века сильнейший из мусульманских владык.

Хорезма. Джигиты двигались полукругом по степи, стараясь загнать джейранов¹ и диких ослов к гряде холмов, где слуги заблаговременно поставили черную палатку с белым верхом и готовили пиршество для всех участников охоты.

Весна рассыпала по пескам первые редкие цветы, и под ослепительным солнцем быстро таяли остатки снежных заносов. На третий день охоты небо внезапно потемнело. С севера, из Кипчакских степей², подул холодный ветер, и закрутилась снежная пурга.

Джелаль эд-Дин на горячем вороном аргамаке, преследуя раненого джейрана-самца, отдалился от своих спутников. Он видел, как козел прихрамывал и оглядывался, насторожив уши. Уже близка была добыча, но джейран, тряхнув изогнутыми рожками, снова унесся в степь. Упорный и гневный хан скакал на взмыленном жеребце, не спуская глаз с мелькавшего впереди поднятого черного хвоста.

Наконец джейран был пробит стрелой с орлиным пером и привязан за седлом. Между тем буря усилилась, снег замел тропинки. Джелаль эд-Дин понял, что заблудился и может погибнуть, если буря продлится несколько дней. Ведя коня в поводу, он пошел против ветра. Надвигалась ночь. Выбившись из сил, хан развернул попону, укрыл коня и, полусасыпанный снегом, просидел так всю ночь.

Взошло солнце, ветер стих. Снег стал таять, между барханами потекли ручейки. Вглядываясь в даль, Джелаль эд-Дин заметил сигнальную вышку — холм, сложенный из хвороста и костей; он намечал путь среди однообразной, как море, равнины. Хан направился к нему. В глинистой долине между песчаными холмами приютились четыре бедные, закоптелые юрты.

Неистовый лай собак вызвал из юрты старого кочевника-туркмена. Придерживая накинутый на плечи козлиный тулуп, он с достоинством подошел к всаднику и гостеприимно коснулся повода.

— Если мой дом не покажется тебе слишком бедным, то войди с миром, почтенный бек-джигит! — сказал старик, пораженный богатой одеждой, малиновыми шароварами из толстого шелка, а более всего величественным вороным жеребцом, на каком могут ездить только султаны.

— Салям! Есть ли у тебя ячмень? Я заплачу двойную цену.

¹ Д ж е й р а н — газель, разновидность антилопы.

² К и п ч а к с к а я с т е п ь — огромная территория от Днепра и на восток до Семиречья, населенная многочисленным кочевым народом тюркского корня — кипчаками. В русских летописях кипчаки назывались «половцами», на Западе они назывались «куманами». В Венгрии имеются области «Великая Кумания» и «Малая Кумания», населенные потомками половцев, бежавших в XIII веке от нашествия монголо-татар.

— В пустыне хлеб дороже денег. Но для редкого гостя найдется все, что он захочет. Вместо ячменя твой конь будет накормлен отборной пшеницей...

Из ближней юрты слышался шум ручного жернова, на котором женщины мололи пшеницу.

— Ойе, вы там! Возьмите коня!

Две девушки в темно-красных рубашках до пят, звеня серебряными украшениями и монетами на груди, выбежали из юрты, прикрываясь краем полупрозрачной ткани, накинутой на голову. Они взяли с двух сторон за повод коня и увели его.

Хан вошел в юрту. Там было тепло. Посредине курился костер из смолистых корней. У стенки на войлоке лежал на спине человек. Серое бескровное лицо с черной бородой и сложенные на груди руки говорили о близкой смерти. Прерывистое дыхание показывало, что жизнь его отчаянно борется в этом обессиленном теле.

В ногах больного сидел бородатый дервиш, в высоком колпаке с белой повязкой, знаком хаджи¹. На его полуголоое тело был накинута широкий плащ с множеством ярких заплат.

— Салям-алейкум! — сказал Джелаль эд-Дин и опустился на войлок около больного. Подползла закутанная до глаз женщина-рабыня и стащила с хана промокшие зеленые сапоги. Джелаль эд-Дин отступил кожаный пояс с кривой саблей и положил около себя.

— Ты кто? — спросил он дервиша. — Судя по твоей одежде, ты видел далекие страны?

— Я хожу по свету и ищу среди моря лжи острова правды...

— Где твоя родина и куда ты идешь?

— Меня зовут Хаджи Рахим, а прозвали меня еще Багдади, потому что я учился в Багдаде². Моими учителями были самые совершенные, великодушные и знающие люди. Я изучил много наук, много перечел сказаний арабов, турок, персов и написанных древним языком пехлеви. Но, кроме сожаления и кроме тяжести грехов, я не вижу другого следа моих юных дней...

Джелаль эд-Дин поднял недоверчиво бровь:

— Куда же и зачем ты идешь?

— Я хожу по этому плоскому подносу земли, лежащей между пятью морями, посещаю города, оазисы и пустыни и ищу людей,

¹ Х а д ж и — паломник, совершивший «хадж» (путешествие) в Мекку, город в Аравии, где мусульмане поклоняются памятникам культа, которые считают священными.

² Б а г д а д — большой и богатый арабский город, культурный и духовный центр мусульманского Востока, прославленный рассказами «1001 ночи» (Харун аль-Рашид и др.).

опаленных огнем неудержимых стремлений. Я хочу увидеть необычайное и преклониться перед истинными героями и праведниками. Сейчас я направляюсь в Гургандж, по слухам, прекраснейший и богатейший город Хорезма и всего мира, где, говорят, я найду и блистающих знаниями мудрецов, и искуснейших мастеров, украшающих город образцами великого искусства...

— Ты ищешь героев, записывающих свои подвиги концом меча на полях битв? — сказал Джелаль эд-Дин и задумался. — А сумеешь ли ты такими пламенными строками описать подвиги героя, чтобы юноши и девушки запели твои песни, чтобы их повторяли отважные джигиты, бросаясь в бой, или старики, делая последний шаг к могиле?

Дервиш ответил стихами:

Хотя богат и славен песней Рудеги¹,
 Но я не меньше слов прекрасных знаю.
 Слепой, стихами он завоевал весь мир,
 А я пою для собеседников костра степного...

Хозяин втащил в юрту убитого ханом джейрана. С него была уже содрана шкура и выпотрошены внутренности.

— Позволь передать женщинам часть мяса, чтобы они приготовили для тебя ужин?

— Угощайтесь все! Берите все! — ответил Джелаль эд-Дин. — Я не ловчий у бека. Я сам бек и сын бека, не обязанный передавать добычу хозяину. — Он вытащил из ножен узкий кинжал, вырезал из спины джейрана несколько тонких кусочков мяса и, нанизав их на прутик, стал поджаривать над угольями костра.

Хозяин передал тушу джейрана женщинам, а сам сел рядом с гостем. Поглаживая бороду, он стал задавать вопросы вежливости:

— Здоров ли ты? Силен ли ты? Согрелся ли? Здоровы ли твои родители?

Хан, соблюдая обычай, тоже задал несколько вопросов участия и затем сказал:

— Да не покажутся обидой мои слова: чей это шатер и где я нахожусь?

— Моя юрта на один переход в стороне от большой караванной дороги к городу Несе², а я — простой кочевник, затерянный в великой степи, которого все зовут Коркуд-Чобан³.

¹ Рудеги — крупнейший поэт IX века, родом из Бухары.

² Несе (Ниса) — когда-то сильная древняя крепость близ нынешнего Ашхабада, потом разрушенная монголами и засыпанная песками. Ее развалины были открыты советскими учеными в 1931 году.

³ Коркуд-Чобан — пастух Коркуд.

Собака, ворчавшая за стеной юрты, залилась лаем. Донеслись крики, всхлипывания и плач. Конский топот приблизился и затих. Сильный голос окликнул:

— Кто в юрте? Отзовись, Коркуд-Чобан!

Глава 3

СТЕПНОЙ ДЖИГИТ

Старик поднялся и вышел. Едва доносились слова разговора.

— Зачем он приехал сюда? — шепотом хрипел всадник. — Или настал его смертный час?

— Все трое — мои гости.

— Я покажу, какой приговор Аллаха написан на их бледном челе...

— Ты их не посмеешь тронуть. А эти новые твои пять невольников откуда?

— Это опытные мастера: медники и оружейники. Они шли вместе с караваном. Я хотел «подстричь бороды» этому каравану, но откуда-то шайтан принес две сотни джигитов, гнавших джейранов для какого-то знатного бека. Пришлось верблюдов бросить, погонщики разбежались, и я погнал только пять этих мастеров. Теперь я их отсылаю в Мерв, где продам за хорошую цену.

— Да поможет тебе в этом Аллах!

Хозяин с новым гостем вошли в юрту.

Незнакомец был молод, высок, с прямыми плечами и очень тонок в поясе. Сбоку в зеленых сафьяновых ножнах висел длинный меч-кончар. Желтые сапоги из верблюжьей замши на тонких высоких каблуках, высокая круглая шапка из овчины и особого покроя черный чапан¹ говорили, что он туркмен. Это подтверждало и смуглое решительное лицо с выдающимися скулами.

— Проходи к огню, садись! — пригласил хозяин.

Гость, однако, не опустился на ковер, а продолжал стоять около входа. Его глаза расширились и стали круглыми, как у совы.

— Ты кто? — спросил, не подымая глаз, Джелаль эд-Дин.

— Степняк...

— Кочуешь со скотом или промышляешь иным?

— Я стригу бороды караванным купцам...

Такой ответ, по степным обычаям, был грубостью. При встрече у костра с незнакомыми, даже бедно одетыми, все становятся равными,

¹ Ч а п а н — верхняя одежда, кафтан.

обмениваются вопросами вежливости: о здоровье, о состоянии стада, о дальности дороги. Туркмен, очевидно, искал ссоры.

Джелаль эд-Дин вскинул и опустил глаза, и только уголок рта чуть дрогнул. Разве станет знатный хан входить в пререкания с простым кочевником песков?

— Хозяин сказал, что ты ищешь дорогу к Гурганджу? Я могу тебя проводить, — помолчав, сказал туркмен.

Джелаль эд-Дин был храбр, но его конь устал. Здесь он в безопасности, его охраняет закон гостеприимства. А на дороге этот туркмен будет так же за ним охотиться, как недавно он сам охотился за джейраном. И хан ответил:

— Сейчас в Гургандж я не поеду.

— А кто этот стонущий, уходящий из нашего печального мира?

— Раненный разбойниками, — сказал дервиш. — А я, мыслитель и певец, жаду попутчика, чтобы не попасть в руки отчаянного Кара-Кончара. Говорят, что этот барс пустыни не щадит никого, даже бедного дервиша...

— А ты думаешь, что другие не грабили Кара-Кончара?

Дервиш ответил:

— Что могу думать я, пустой орех, гонимый по степи ветром скитаний?

— Кара-Кончар живет на безводном, недоступном солончаке. Он неуловим, как ящерица, ныряющая в песок, или как змея, скользкая в камышах. Никто не может добраться до него, а он проникает всюду.

— Кто промышляет разбоем, готовит себе славный конец: его голова подыметя выше всех, надетая на кол на стене Гурганджа, — равнодушно сказал Джелаль эд-Дин, поворачивая прут с жарившимся мясом.

— Кара-Кончар — ночная тень, догоняющая злодея, — продолжал туркмен. — Кара-Кончар — кинжал мести, копьё гнева и меч расплаты. Сейчас Кара-Кончар один, нет у него ни сына, ни брата. Настанет день, когда он падет мертвым, и то место, где стоит его юрта, опустеет. Хорошо ли это?

— Это невесело, — сказал Джелаль эд-Дин.

— А раньше у Кара-Кончара были и седобородый отец, и смелые братья, и нежные сестры. Но когда шаху Мухаммеду нужна сотня коней, он едет с кипчакскими воинами в наши кочевья и берет вместо одной сотни коней — три сотни лучших жеребцов. А с женщин он снимает серебряные украшения, говоря, что делает это в наказание за то, что какие-то кочевники где-то ограбили надменного кипчакского хана. А когда у шаха имеется во дворе триста жен, он со своими кипчаками увозит нашу лучшую девушку Гюль-Джамал, из-за которой

спорили сто джигитов, и насильно держит ее в своем дворце, называя триста первой женой. Хорошо ли это?

— Это тоже невесело, — сказал спокойно Джелаль эд-Дин. — Но то, что сто джигитов допустили увезти из кочевья лучшую девушку и не отбили ее — вот это нехорошо.

— Тогда в кочевье наших джигитов не было. Кипчаки хитры и выжидают время, когда к нам безопасно приезжать.

— Слушай мои слова, джигит, — сказал Джелаль эд-Дин. — Ты говоришь, что у тебя были отец, братья и сестры? Почему их больше нет?

— Белобородого отца схватили шахские палачи и на площади Гурганджа медленно разрубили на куски, начиная от ступней ног. Братья бежали на восток и на запад. Сестер схватили кипчакские всадники и увезли. Разве это хорошо?

— Это тоже нехорошо, — сказал Джелаль эд-Дин.

— Где же мне теперь скитаться под солнцем? Что же мне остается делать?

Джелаль эд-Дин заговорил горячо:

— Если светлая сабля в твоих руках сверкает для защиты родного племени, если, кроме забав на караванных дорогах, ты хочешь совершить подвиг и стать опорой нашего зеленого знамени, то приезжай ко мне в Гургандж, и я научу тебя, как создать славное имя.

— Слушай, бек-джигит, — ответил туркмен, с яростью утирая рукавом губы. — Когда я приеду в Гургандж, то по моим следам, как шакалы, побегут шпионы-«джазуь» шаха, но я им не сдамся и погибну в схватке. Нужно ли это?

— Этого не будет, — сказал Джелаль эд-Дин. — Когда ты пойдешь к Западным воротам Гурганджа, ты увидишь сад с высокими тополями. Спроси у привратников: «Это ли новый дворец и сад Тилалы? Проведите меня к хозяину!» — и ты покажешь этот листок.

Джелаль эд-Дин достал из складок шафрановой чалмы листок бумаги, снял с большого пальца золотой перстень. Горящей веткой он закоптил печатку перстня и, помочив слюной уголок листка, приложил перстень. На бумаге копотью отпечаталось красивой вязью написанное имя. Свернув листок в трубочку, он сложил ее пополам, разгладил на колене и передал туркмену. Тот приложил листок к губам и ко лбу и спрятал в медной коробочке для трута, привешенной у пояса.

— Я верю твоему слову, бек-джигит, я приеду. Салям! — И туркмен исчез за дверной занавеской.

Хозяин молча последовал за ним. Перед юртой, где на костре кипел большой медный котел, на мокрой от тающего снега земле си-

дели пять истощенных рабов в истерзанных лохмотьях. Руки у всех были закручены за спину, шеи затянуты петлями, концы их привязаны к волосяному аркану. Рядом с рабами стоял рыжий высокий конь с серебряным ошейником на изогнутой шее, с туто притянутым к луке поводом. На луку был намотан конец аркана, державшего пленных.

Туркмен сел на коня.

— Вперед, скоты-иноверцы! Если не будете плестись, я вас изрублю и оставлю падалью на дороге.

Пятеро рабов поднялись и заковыляли один за другим, туркмен взмахнул плетью, и вскоре все скрылись за холмом. Хозяин вернулся в юрту.

— Почтенный гость, около сотни джигитов показались вдали и направляются сюда.

— Знаю, это джигиты хорезм-шаха ищут меня. А кто был человек, с которым я сейчас говорил?

— Это, — и хозяин продолжал шепотом, точно боясь, что туркмен вернется, — это барс Каракумов, гроза караванных путей, славный разбойник Кара-Кончар, да рассудит его Аллах!

Глава 4

ХАКИМ, ПРАВДИВО РЕШАЮЩИЙ

После остановки у кочевника Хаджи Рахим два дня шел узкой тропой через пустыню, направляясь на север к оазису в низовьях Джейхуна¹, где находились города и селенья многолюдного Хорезма. Медленно плелся осел, и равномерно шагал за ним верблюд с большим купцом, все еще не приходившим в сознание. Дerviш распевал арабские и персидские песни и всматривался в даль, ожидая, когда же наконец появятся цветные купола мечетей Хорезма.

На третий день узкая тропа среди песчаных барханов обратилась в широкую дорогу и поднялась на каменистую возвышенность. Оттуда открылась цветущая, радостная равнина, покрытая садами, рощами и квадратами зеленеющих полей. Всюду между деревьями виднелись домики с плоскими крышами, группы черных, задымленных юрт и похожие на крепости с башенками по углам усадьбы богатых кипчакских ханов. Кое-где, точно копыта, торчали острые минареты, и возле них переливались разноцветными изразцами купола мечетей. Как большие зеркала, сверкали квадраты пашен, залитые водой. По ним ходили полуголые, в отрешьях, люди с цепями на ногах.

Дerviш остановился на холме.

¹ Д ж е й х у н — название реки Амударья в XIII веке.

— Вот земля, созданная стать раем, — шептал он, — но она стала долиной мучений и слез. Пятнадцать лет назад я бежал отсюда, задыхаясь от страха, озираясь, как преступник. Кто сможет узнать теперь в обожженном солнцем черном дервише того юношу, которого проклял сам верховный имам?¹ Вперед, Бекир, скоро мы будем ночевать у ворот столицы всех столиц, богатейшего из всех городов мира — Гурганджа, где царствует хорезм-шах Мухаммед, самый могучий, но и самый зловещий из мусульманских владык...

Дервиш снова зашагал. По дороге стали чаще встречаться двухколесные повозки, запряженные крупными длинноногими волами, пешие путники, нарядные всадники на разукрашенных конях и почерневшие на солнце поселяне на тощих ослах; отовсюду слышалось мычанье коров, блеянье овец, крики погонщиков.

В первом же селении дервиша окружили люди с длинными белыми палками.

— Ты что за человек? Если ты дервиш-бессребреник, то зачем тащишь за собой верблюда? Пойдем к хакиму², он прочтет тебе твой смертный приговор.

Дервиша привели во двор, окруженный высокой глиняной стеной. На террасе, усталой широким ковром, сидел, скрестив ноги, тощий прямой старик в полосатом халате. Огромная белоснежная чалма, тщательно расчесанная седая борода, строгий, пронизывающий взгляд и медлительность движений вызывали трепет у всех, кто приближался к нему, и они падали ниц. Рядом, согнувшись, сидел молодой писарь с тростниковым пером в руке, ожидая приказаний.

— Кто ты? — спросил хаким.

— Я грешный сын моей почтенной матери, по имени Хаджи Рахим аль Багдади, ученик святых багдадских шейхов³. Я хожу по длинным дорогам и тщетно ищу следов праведников, скрытых холодным мраком могилы.

Старик недоверчиво поднял бровь и уставился на дервиша.

— А кто этот больной на верблюде? Почему он без чалмы? Правовверный ли он мусульманин или иноверец? Мне говорят, что ты его изранил, ограбил и распродал все его достояние? Верно ли это?

Дервиш поднял руки к небу.

¹ И м а м — настоятель мусульманской мечети.

² Х а к и м — правитель округа. Первоначальное значение: ученый, законовед.

³ Ш е й х — глава мусульманской религиозной общины.

— Ты, всевидящее небо, одна моя защита! Дивлюсь я на сплетника, который ничем, кроме живых слухов, не дышит! Что ему до моих трудов и печалей!

Хаким многозначительно поднял кверху указательный палец и прошептал:

— Расскажи мне правдиво, что ты знаешь об этом больном?

Тогда дервиш рассказал о встрече с разграбленным караваном и о своих стараниях спасти жизнь раненого.

Старик провел рукой по серебристой бороде и сказал:

— Может быть, этот раненый очень большой человек и рука его достает до самого солнца? Я сам осмотрю больного. — Просунув босые ноги в туфли, он спустился с террасы и прошел к верблюду. Его окружили жители селения, стараясь перекричать друг друга.

— Мы знаем этого больного человека. Это богатый купец из Гурганджа, Махмуд-Ялвач. Вот и на верблюде выжжено его тавро. Караваны Махмуд-Ялвача в двести-триста верблюдов ходят в Тавриз и в Булгар¹ и до священного Багдада.

Хаким, выслушав жителей, помолчал, пожевал губами и важно провозгласил свое решение, а писарь записал его.

«Так как знающие и заслуживающие доверия люди заявляют, что больной — это достойнейший купец Махмуд-Ялвач из Гурганджа, то я приказываю снять его осторожно с верблюда, положить в моем доме и призвать лекаря-табиба, чтобы он старательно излечил его целебными травами. Дервиш, сделавший доброе дело своей заботой о раненом правоверном, может идти дальше, и его должен вознаградить спасенный купец. Так как верблюд не может принадлежать дервишу, то он останется у меня, пока не излечится его хозяин. За произнесение судебного приговора и приложение печати оставить при моем управлении черного осла, принадлежащего дервишу».

— Записал? — обратился хаким к писцу.

Тот прошептал:

— Истинно сказал мой господин!

Правитель добавил:

— Ученый дервиш, возьми от моих скудных средств один дирхем².

Хаджи Рахим взял медную монету, потер ею лоб и приложил к губам. Держа ее в зажатой ладони, он сказал:

¹Тавриз — большой город в северном Иране. Булгар — в X—XIV веках богатый торговый и промышленный город, столица волжских булгар, расположенная при впадении Камы в Волгу.

²Дирхем — серебряная монета стоимостью около 20 копеек, черный медный дирхем — около 2 копеек.

— Твоя мудрость велика, о хаким, правдиво решающий. Ты освободил меня от забот о раненом, о верблюде и об осле, на котором мне не придется ездить, но которого мне зато и не придется кормить. Я же, ничтожнейший из погибающих, подобен легковесной монете, что скользит из щедрой руки дающего в деревянную чашку слепого. И если твоя щедрость так же чиста, как серебро твоей бороды, то эта медная монета дирхем обратится в золотой динар¹.

Хаджи Рахим раскрыл ладонь. На ней блеснула золотая монета — динар.

— Истинно говорю тебе, почтенный начальник, что та земля, на которую ступит твоя нога, никогда не увидит неурожая.

Хаджи Рахим снова зажал ладонь и стоял неподвижный. А правитель и все окружающие безмолвно глядели то друг на друга, то на сжатый кулак дервиша, и рты их раскрылись.

— Я дал ему медный черный дирхем. Это я хорошо помню. Но все вы только что увидели в его руке золотой динар, — сказал начальник. И с быстротой, которой никто не ожидал от всегда важного старика, хаким бросился к дервишу и вцепился в его руку.

— Отдай золотой динар! Им ты должен оплатить судебные расходы!

Хаджи Рахим раскрыл ладонь, и начальник схватил монету, но это опять был медный дирхем. Важный хаким подул себе на плечи и торжественно поднялся на террасу.

Хаджи Рахим подошел к ослу, снял свой мешок, перекинул через плечо и, не оглядываясь, направился дальше к Гурганджу, выкрикивая во весь голос призыв дервишей:

— Я-г'у-у! Я-х'ак! Ля иллях'и илля-г'у-у!²

Глава 5

ЗАВЕТНАЯ КАЛИТКА

«Все осталось таким же, как много лет назад, — думал Хаджи Рахим, прислонившись к высокому глиняному забору пустынного перелуга Гурганджа. — Те же домики с плоскими крышами среди абрикосовых и туговых деревьев, так же на бирюзовом небе вьются стаями белые голуби, а еще выше над ними с жалобным стоном медленно кружат бурые коршуны... Так же над забором свесились белые ветви цветущей акации, и под ними притаилась та же маленькая заветная

¹ Динар — золотая монета, приблизительно 10 рублей.

² Этот обычный арабский призыв дервишей означает: «Да, это он, справедливый, нет другого Аллаха, кроме него!»

калитка. На ее серых выветренных досках еще заметны круги искусно вырезанного узора. Когда-то из этой калитки выходила девушка в розовой одежде и оранжевом покрывале. Где она? Что с ней стало?»

Калитка открылась, и вышла девушка-подросток в длинной розовой одежде с шафрановым покрывалом. В руке она держала лопату. Слегка выдающиеся скулы и чуть скошенные глаза, покрой одежды и узел шафранного платка сказали бы знающему, что эта девушка из тюркского племени. Напевая песенку, она расчистила отводную канавку в свой сад, и вода повернула в пробитое отверстие под глиняным забором.

Друг девушка быстро выпрямилась и, прикрывая глаза узкой смуглой рукой, посмотрела в конец улицы.

Так кто-то пел высоким переливчатым голосом:

Наступит ночь, из глаз уходит сон,
Любуюсь до зари на звездный небосклон,
И если молодой луны увижу рог,
Я вспоминаю серп ее бровей.
То не судьба ль моя? Не мой ли рок?
Загадку разгадать хочу грядущих дней...

В глубине переулка показался молодой всадник в темно-зеленом чекмене¹, туго стянутом пестрым поясом. Сдвинув на правую бровь баранью шапку, он медленно ехал на плясавшем караковом жеребце. Всадник хлестнул коня и с места бросился вскачь. Поравнявшись с девушкой, он разом осадил коня.

Девушка бросила лопату и вбежала во двор, захлопнув калитку. Всадник передвинул шапку на затылок и медленно поехал дальше по переулку.

Калитка приоткрылась, и девушка выглянула. Робко посмотрев по сторонам, она подняла лопату и снова скрылась.

Бородатый, почерневший от зноя дервиш, в остроконечном колпаке с белой повязкой хаджи и в разноцветном плаще, громко, как слепой, ударяя длинным посохом, перешел дорогу. Оглянувшись, он осторожно снял лоскут розовой материи, зацепившийся за калитку, и спрятал за пазуху.

— Да, — бормотал он, — все здесь осталось по-прежнему: то же дерево, только оно стало еще выше и гуще, та же калитка — она лишь потемнела и покосилась... И девушка похожа на ту, кого я любил в шестнадцать лет, но это не она. А где та, которая стояла здесь много лет назад с корзинкой абрикосов и сама смуглая и сладостная, как

¹ Ч е к м е н ь — нарядная мужская одежда (кафтан, казакин).

абрикос?! Все осталось то же, даже вон там, над старой башней, как и раньше, кружат ястреба. Только Хаджи Рахим не тот...

Дервиш постучал посохом в калитку. За старой карагачевой¹ дверцей послышался старческий кашель. На пороге появился старик, сухой и сгорбленный, в белоснежной чаалме.

— Ягý-у! Я-хák! — запел дервиш.

Старик, всматриваясь слезящимися красными глазами, пошарил в складках свернутого из материи пояса и вытащил старый кожаный кошель. Он порылся в нем бескровными восковыми пальцами и достал черную тонкую монету.

— Аллахúм селля! — воскликнул дервиш, прижимая монету ко лбу и губам. — Кто живет в этом доме? За кого я могу вознести молитвы единственному?

— Я живу в этом доме, но принадлежит он не мне, а кузнецу Кары-Максуму. На главном базаре все знают обширную кузницу и оружейную мастерскую Кары-Максума. Служителям веры он в подающих не отказывает.

— А каким именем судьба одарила тебя, делатель чудес?

— Не называй меня высоким словом «делатель чудес». Я старый шахский летописец Мирза-Юсуф и могу только добавить стихами поэта:

Я прожил жизнь, как выючная скотина.
Я — раб своих детей и пленник у семьи.
На пальцах я сочту все, что имею, —
Мой бедный дом и сотни тысяч бед!
А выйти из беды надежды нет!²

— Нет, нет! Ты все же делатель чудес, — сказал дервиш. — Ты пожертвовал черный дирхем, и так как твое подаяние исходило из благородного порыва сердца, дирхем сразу обратился в полноценный динар из чистого золота.

Старик наклонился к темной, похожей на птичью лапу ладони дервиша, на которой лежал золотой динар с выпуклой надписью.

— В моей долгой жизни я никогда не видал чудес, о которых говорят священные книги. Или ты, дервиш, способен делать чудеса, или же ты, как фокусник на базаре, хочешь посмеяться над полуслепым стариком.

¹ Карагач — огромное многоветвистое тенистое дерево, очень распространенное в Средней Азии. Из него получают широкие доски особой прочности.

² Из стихотворения Кесаи (IX в.).

— Но ты можешь испытать этот динар. Пошли твоего слугу на базар, и он принесет тебе целую корзину и жареного кебаба¹, и вареной лапши, и меду, и сладких дынь. Может быть, ты даже уделаешь тогда от этого избытка бедному путнику, пришедшему сюда прямо из далекого Багдада?

— Так ты пришел из славного Багдада? В таком случае заходи в мой дом и расскажи о том, что ты там видел, а я испытаю силу твоего удивительного динара.

Глава 6

ШАХСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

...Он направился ко мне, несмотря на далекое расстояние наших жилищ, долгий путь и ужасы дороги.

Ибн-Хазм, XI в.

Шаркая желтыми замшевыми сапогами, старик направился через двор и поднялся на террасу.

— Проходи за мной, путник!

Дервиш вошел за стариком в комнату с кирпичным полом и разостланными вдоль стен узкими ковриками. На полках в нише стояли два серебряных кувшина и стеклянная иракская ваза. Купол комнаты, искусно составленный из переплетенных раскрашенных бревен, имел в середине отверстие для выхода дыма. Посреди комнаты в квадратном углублении чадил жаровня с углями. Вдоль задней стены стояли три раскрытых, окованных железом сундука, и в них виднелись переплетенные в желтую кожу большие книги.

Дервиш сложил около двери посох и другие свои вещи. Сбросив туфли, он прошел к старику, преклонил колени и опустился на пятки.

— Бент-Занкидж! — дребезжащим голосом крикнул старик.

Вошел мальчик в длинном до пят полосатом халате и голубой чалме. Скрестив руки на животе, он склонился, ожидая приказания.

— Возьми этот золотой динар. Передай его старому Саклабу и объясни ему так: «Пойди, дед Саклаб, на базар, в тот ряд, где сидят индусы-менялы перед ящиками с серебряными и золотыми монетами. Эти же менялы продают волчки и кости для игры. Выбери самого седобородого и попроси оценить эту монету: настоящий ли это полновесный золотой динар?» Если меняла-индус скажет, что в динаре нет обмана, то

¹ К е б а б — блюдо из мелко рубленного мяса, поджаренного на вертеле.

пусть он его разменяет на серебряные дирхемы. Получив серебро, пусть Саклаб пойдет в тот ряд, где путники могут насладиться едою, и купит то, что сейчас тебе перечислит этот почтенный искатель истины.

— Что должен слуга купить? — обратился мальчик к дервишу.

Тот смотрел на мальчика. Нежные черты его лица показались странно знакомыми. Где он его видел? Дервиш сказал:

— Пусть слуга возьмет с собой корзину и купит все то, что он купил бы для брата, которого не видел много лет. Пусть слуга сам выбирает.

Старик поманил к себе мальчика и сказал ему на ухо:

— Пусть Саклаб, вернувшись с базара, не ходит сюда, как обычно, оборванцем, а сперва наденет мой старый халат. А ты, отдав ему динар, возвращайся сюда и захвати с собой чернильницу с калямом¹ и бумагу. Сейчас ты будешь записывать его речи.

Мальчик скрылся и вскоре вернулся с бумагой и прибором для письма.

— Скажи мне, путник, сперва твое имя, откуда ты родом и как ты попал в славный Багдад?

— Меня зовут Хаджи Рахим аль Багдади. Родом же я из маленького селения близ Басры. Я готов отвечать тебе на все вопросы, но прежде позволь мне коснуться чего-то другого, о чем беспокоится мое сердце.

— Ну, говори, — сказал старик.

— В Багдаде я учился в большом медресе² у знаменитейших ученых. Среди студентов, которые вместе со мной искали света у этих факелов знания, был один юноша, всегда скорбный и молчаливый, отличавшийся страстным прилежанием. Когда я ему сказал, что хочу надеть «пояс скитания» и, взяв «посох странствования», отправиться в славный Гургандж, благородную Бухару и прекрасный Самарканд, этот юноша обратился ко мне с такими словами: «Хаджи Рахим аль Багдади, если ты попадешь в богатый город хорезм-шахов Гургандж, то пройди в третью улицу, пересекающую главный путь от базара к Западным воротам, найди там дом кузнеца и торговца оружием Кары-Максума и узнай, живы ли там мои почтенные родители. Расскажи им все, что я делаю в Багдаде. Когда же ты вернешься в Багдад, то ты поведаешь мне все, что о них узнаешь». Я обещал ему это и отправился в путь. Но ветер непредвиденностей и гроза испытаний бросали меня в разные стороны вселенной. Я шел под палящими лучами солнца Индии, проходил далекие пустыни Татарии³, доходил до Великой

¹ К а л я м — остро отточенный камыш, служивший вместо пера.

² М е д р е с е — высшее духовное учебное заведение.

³ Т а т а р и я — так в описываемое время называлась территория нынешней Монголии и Западного Китая, населенная многими кочевыми племенами тюркского происхождения, носившими общее название татар.

стены, охраняющей царство китайцев от набегов татар; я посетил берег ревущего океана, пробирался через крутые снеговые горы Тянь-Шаня и всюду находил мусульман¹. Так прошло много лет, пока я, наконец, попал в Гургандж, на эту улицу, которую мне указал мой багдадский друг. Я нашел и дом, и калитку под белоснежным деревом акации, и, наконец, я беседую с тобою, делатель чудес, который, вероятно, помнит юношу, обитавшего здесь, в этом дворе, и ушедшего пятнадцать лет назад из Гурганджа?

— Как звали этого юношу? — спросил старик сурово.

— Там, в высоком дворце знаний, он назывался Абу-Джафар аль Хорезми (из Хорезма).

— Как ты осмелился произнести это имя, несчастный! — закричал старый мирза (писарь), и пеной покрылись губы его. — Знаешь ли ты, что он величайший грешник? Несмотря на свои юные годы, он покрыл позором и себя и своих родителей и чуть было не бросил в пучину бедствий всех родичей.

— Но ведь он был очень юн? Что такое мог он сделать? Убил ли он кого-нибудь или покушался на знатного бека?

— Этот ужасный Абу-Джафар, к прискорбию, с юных лет отличался большими способностями и прилежанием. Он учился вместе с другими учениками у наших лучших учителей, стараясь постигнуть и чтение, и красоты изящного письма, и глубокий смысл великой книги Корана. Он преуспевал во всем и стал удачно складывать стихи, подражая Фирдоуси, и Рудеги, и Абу-Саиду. Но стихи его были не на поучение другим, а только для соблазна легковерных...

Старик продолжал шепотом:

— Этот несчастный юноша начал вольнодумствовать. Он позволял себе спорить с седобородыми улемами² и имамами, ввергая в смущение других простодушных слушателей. Наконец, когда имам заметил: «Ты идешь не по дороге в рай, а в огненную пропасть ада», — Абу-Джафар ему дерзко ответил: «Ступай от меня и не зови меня в рай! Когда ты проповедуешь о четках, о местах молитвы и о воздержании, я думаю, не все ли равно — идти ли в мечеть Мухаммеда, или в монастырь Исы³, где звонят в колокола, или в синагогу Моисея. Вез-

¹ Выходцы из Средней Азии (мусульмане) согда и после потомки их таджики, отличные ремесленники и предприимчивые кушцы, с древнейших времен распространились по великому торговому пути из Средней Азии до Китая, где всюду были их торговые и ремесленные поселки.

² У л е м — мусульманский преподаватель в богословском учебном заведении.

³ И с а — Христос.

де я искал, но не находил Бога, Бога нет, его выдумали те, кто торгует его именем. Мой свет, мой проводник — Абу-Али Ибн-Сина¹. Тогда святые имамы прокляли его и приказали схватить. Они хотели на площади города отрезать его ядовитый язык и обе руки, чтобы он не мог больше сочинять свои растленные стихи. Но Абу-Джафар со змеиной ловкостью исчез. Сперва думали, что его отец из жалости где-либо скрывает преступного сына. Поэтому сам хорезм-шах Мухаммед, узнав об этом деле от имамов, приказал схватить отца, бросить его в клоповник зиндан² и надеть цепь с надписью: «Навеки и до смерти». А если отец умрет, то вместо него шах приказал посадить ближайшего родственника, пока Абу-Джафар добровольно не вернется.

— И отец до сих пор в тюрьме? — тихо спросил дервиш. Его расширенные глаза сверкали, а лицо стало серым, как у мертвеца.

— Отец умер, не выдержав сырости, темноты и страшных клещей и клопов подвала. Исполняя приказ хорезм-шаха, палачи схватили младшего его сына Тугана, надели на него ту же цепь и бросили в тот же подвал.

— Какое преступление! — прошептал дервиш.

— Мне очень жаль этого мальчика Тугана, — продолжал старик. — Я много заботился о нем. Не желая, чтобы Туган пошел по следам его испорченного старшего брата, я старался просветить его. Туган учился у меня чтению и письму, но его больше тянуло к мастерству и воинским забавам, и я отдал его в обучение кузнецу Кары-Максуму, который показывал, как изготавливать отличное оружие. Теперь заменяет мне Тугана маленькая сирота, дочь рабыни, Бент-Занкиджá. Она оказалась очень способной к чтению, письму и запоминанию разных стихов и песен. С годами глаза мои стали слепнуть, и все передо мною двоится, и я вижу вместо одного сразу три месяца. Бент-Занкиджá стала моим помощником, писцом. Она записывает мои беседы и переписывает книги. Вот она сидит перед тобой с калямом в руке.

Тогда дервиш понял, что переписчик в голубой чалме — это девушка, недавно выходявшая с лопатой из калитки.

¹ А б у - А л и И б н - С и н а (ок. 980—1037) — выдающийся ученый XI века, родившийся в Бухаре. Имя его в Европе переделано в Авиценна. За неверие и требование свободы разума был брошен в Испани в тюрьму, где и умер. Он оставил много книг по естественным наукам, медицине, алхимии и являлся на мусульманском Востоке одним из самых отважных борцов за свободу разума. Его медицинская энциклопедия «Канон», переведенная на латинский язык, была главным руководством европейских врачей в Средние века.

² З и н д а н — подземная тюрьма.

Дервиш пристально посмотрел на нее и опустил глаза, не смея спросить о другой девушке, которую он видел здесь же, когда ему было шестнадцать лет. Отгоняя от себя волнение, дервиш воскликнул:

— Разве ты не делатель чудес? Ты обучил девочку тонкостям чтения и письма, и после этого она имеет право закручивать вокруг головы тюрбан тем узлом, каким щеголяют одни мирзы. Я вижу, что в твоём доме все полно заботами о знании.

Старик переплел тонкие пальцы и уставился пристальным взглядом на дервиша.

— Теперь расскажи о себе, долго ли еще ты намерен скитаться?

Дервиш тряхнул взлохмаченной головой и впился в старика черными пламенными глазами.

— Мой отец — голод, погнавший меня через пустыни. Моя мать — нужда, выплакавшая глаза от скорби, не имея молока в груди для новорожденного. Мой учитель — страх перед мечом палача. Но я слышу голос: «Не горюй, дервиш, ты всегда творил то, что тебя достойно».

Старый мирза покачал головой.

— Ты украшен знаниями, и тебя может охотно взять к себе писцом всякий судья или правитель округа. И я тоже сейчас же мог бы тебя взять переписчиком книг в шахскую библиотеку. Там имеются единственные редкие книги, никому не известные даже по названию, и их следует переписать, чтобы они не пропали для человечества. Зачем тебе бродить по дорогам? Неужели тебя привлекают скитания, и пыль, и грязь, и камни под ногами?

Дервиш заговорил глухо:

— Мне говорят: «Зачем ты не украсишь свой приют пестрыми коврами?» Но «когда пронесся призывный крик героев, что делать с песнею певца»? «Когда конь несется в битву, как я могу привлечь среди цветущих роз?»¹

Старик, полный изумления, развел руками.

— О каких войнах ты говоришь? Кто может грозить султану великолепному, самому сильному из всех мусульманских владык? Только тогда запылают огни чужих боевых лагерей, когда он сам захочет воевать...

— Грозный огонь движется с востока, и он сожжет все.

Старик покачал головой.

— О нет! Пока хорезм-шах вложил меч в ножны, все будет тихо и в долинах Мавераннагра, и на всех границах царства Хорезма.

В комнату беспшумно вошел старый невольник с тяжелой цепью на ногах, подхваченной ремешком у пояса. Он принес корзину с раз-

¹ Из стихов Ибрагима Монтесера (X в.).

нообразной едой, купленной на удивительный динар. На изможденное тело высокого старика был накинута короткий полосатый халат. Длинные полуседые волосы его ниспадали на плечи. Разостлав на ковре шелковый платок, он положил лепешки, миндальные пирожки, расставил чашечки с медом, фисташками, миндалем, изюмом, засахаренными ломтями дыни и другими сладостями.

— Позволишь ли ты поговорить с этим старым рабом?

— Говори, почтенный путник.

— Откуда ты родом, отец? — спросил у раба дервиш.

— Издалека, из земли русской. Я жил у своего отца, рыбака, на берегу большой реки Волги, а по-здешнему ее называют Итиль. Меня еще мальчишкой захватили джигиты соседнего с нами суздальского князя. Князь по-нашему все равно что ваш хан или бек. Князя наши между собой воюют, и кто кого побьет, тот у побитого князя заберет в плен и мужиков, и баб, и девок, и детей. Затем князь всех продаст, как баранов, в чужеземную сторону. Так и меня и сестренку князь продал купцам болгарским, те отвезли в свой торговый город Биляр, на реке Каме, а оттуда всех пленных, и меня с ними, погнали через пустыню сюда, в Гургандж. А куда продали сестренку — не знаю. Давно это было. Вот и волосы у меня повисли белыми космами, как у старого козла, а все хотелось бы увидеть родной кишлак на высоком яру реки. Я научился говорить по-туркменски и по-персидски. Если бы не другие наши пленные, я бы совсем забыл нашу родную речь. С земляками иногда встретишься на базаре и словом своим перекинешься. Много их здесь ходят, звеня цепями.

— Как же тебя зовут? — спросил дервиш.

— Здесь меня зовут Сакалб, а наши пленные кличут по-прежнему: «дед Славка». Прости меня за смелое слово, — старик поклонился дервишу до земли, — я услышал, что ты ходишь по дальним странам и, как святой, можешь делать из медных дирхемов золотые динары. Так для тебя шуточное дело выкупить меня у моего хозяина. Выкупи меня, и стану я тебе служить верно и честно. Ведь ты, может быть, и в нашу сторону, к русским, пойдешь, тогда и меня возьмешь с собой.

— Ты хочешь сманить моего раба? — сказал, нахмурившись, хозяин.

— Где мне думать о рабе, — сказал дервиш. — Я сам живу бедняком и питаюсь пригоршней пшена, если его подаст щедрая рука.

— Верно, здесь, на далекой чужбине, мне придется сложить голову, — пробормотал, вздохнув, Сакалб и громко сказал: — Просим

милости попробовать нашего достархана!¹ — Осторожно ступая по ковру, он поднес медный таз и узорчатый кувшин с водой.

Мирза-Юсуф и дервиш омыли над тазом руки, вытерли их расшитым полотенцем и молча приступили к еде. Когда дервиш перепробовал от всех блюд, он произнес учтивые слова благодарности и попросил позволения удалиться.

На пустынной улице он долго стоял в тени дерева и смотрел на старую калитку.

«Мне не придется больше увидеть этот дом, где добрый старик когда-то учил меня держать тростниковое перо и писать первые буквы. Я не пожалел для него моего единственного золотого динара, чтобы только подольше побыть с ним и слышать его родной и близкий мне голос... А теперь снова в путь!»

Мирза-Юсуф долго смотрел на дверь, за которой скрылся странный гость. Вошла Бент-Занкиджá и сказала:

— Мой добрый дедушка Мирза-Юсуф! В сердце моем змейкой вьется мысль, что этот дервиш Хаджи Рахим аль Багдади очень похож на убежавшего нашего вольнодумца Абу-Джафара, только он оброс бородой, почернел от зноя и тебе трудно в нем узнать прежнего мальчика...

— Молчи, или несчастье обрушится на наш дом! Разве я бы стал разговаривать с безбожником, проклятым святыми имамами? Никогда больше не говори мне об этом мимолетном госте. Мы живем в такое время, когда к каждой щели прижалось ухо злобы и подслушивает, о чем шепчут наши уста. И днем и ночью мы должны всегда помнить слова поэта: «Лишь молчание могуче — все же иное есть слабость»².

— Молчать даже перед друзьями? Но разве этот же великий поэт не сказал: «Замкни уста перед всеми, кроме друга»? Всю жизнь молчать — нет! Лучше смерть, но с песней и веселой шуткой!

— Замолчи, замолчи! — закричал старик. — О боже, помоги мне! Я одинок! Ночь тянется, а повесть о великом хорезм-шахе не пришла еще к концу. Я все жду от него подвига славы, а вижу только казни и не замечаю великих дел. Я боюсь, что герой окажется каменным идолом, пустым внутри, где летает золотистая моль и ползают ядовитые скорпионы... Аллах, взгляни в мою сторону и просвети меня!..

¹ Достархан — угощение. Также — нарядная скатерть, расстилаемая для пиршества, происходящего на земле.

² Из стихов Абу-Саида (XI в.).

Часть II

МОГУЧ И ГРОЗЕН ШАХ ХОРЕЗМА!

Глава 1

УТРО ВО ДВОРЦЕ

Служба царям имеет две стороны:
одна — надежда на хлеб, другая —
страх за свою жизнь.

Саади, XIII в.

В предрассветных сумерках три старых имама пробирались узкой улицей Гурганджа. Впереди шел слуга с тусклым фонарем из промасленной бумаги. Старики, подбирая длинные полы широких одежд, перепрыгивали канавки с журчавшей водой.

В темноте чувствовался то острый пряный аромат около закрытых лавок с перцем, имбирем и красками, то резкий запах кожи, когда имамы проходили мимо шорных рядов со складами конской сбруи, седел и сапог. На площади грубый голос остановил их:

— Стойте! По какой надобности идете ночью?

— Милостью величайшего мы, духовные лица, имамы великой мечети, спешим во дворец падишаха для утренней молитвы.

— Проходите с миром!

Три имама подошли к высоким воротам дворца и остановились. Стук не поможет, да и оскорбителен. Ворота сами приотворились. Несколько всадников выехали из темноты и затем вскачь понеслись через площадь. Это гонцы с распоряжениями «величайшего и прозорливейшего защитника веры и справедливости» помчались по направлениям, не известным никому, кроме пославшего их.

Старики, переступая с камня на камень, пробрались через большую лужу и вошли в ворота. По широкому двору во всех направлениях ходили шахские воины. Двое часовых узнали в прибывших священнослужителей и посторонились, давая дорогу. Три старика миновали несколько двориков. Заспанные сторожа открывали тяжелые ворота, громыхая железными ключами.

Наконец показалась створчатая дверь. По сторонам ее, опираясь на копья, застыли два воина в железных кольчугах и шлемах.

Подождевший слуга, высоко подняв глиняный светильник с коптящим фитилем, сказал:

— Хранитель веры еще не выходил.

— Мы подождем, — ответили три старика и, скинув туфли, ступили на ковер, опустили на колени и раскрыли перед собой большие книги в кожаных переплетах с медными застежками.

— Вчера четыре мятежных хана прислали заложниками своих малолетних сыновей. Шах устроил пиршество. Зажарили двенадцать баранов, — сказал один имам.

— Что-то сегодня он еще придумает? — прошептал второй.

— Самое главное — во всем с ним соглашаться и не спорить, — вздохнул третий.

Хорезм-шаху Мухаммеду снился сон; он стоит в степи на холме, и кругом, сколько можно видеть, столпились тысячи и тысячи людей. Небо горит закатными бронзовыми лучами. Солнце, еще ослепляющее, быстро опускается в однообразную песчаную равнину.

— Да живет, да здравствует падишах! — раскатами доносятся крики из отдаленных рядов. Люди медленно склоняют спины, и за белыми чалмами прячутся их лица.

Вся толпа опускается на колени перед повелителем, видны только халаты, похожие на волны вечно беспокойного Хорезмского моря¹.

— Да здравствует падишах! — звучат, как эхо, последние отдаленные крики, и все замолкает. Солнце скрывается, и степь тонет в синих сумерках и молчании. В потухающем свете шах видит, как нагнувшиеся спины ползут к нему, взбираясь по склону холма.

— Довольно, назад! — приказывает шах, но спины приближаются со всех сторон, бесчисленные спины в полосатых халатах, перевязанных оранжевыми поясами. Шаху кажется, что у всех за пазухой скрыты отточенные ножи. Люди хотят резать своего повелителя. Он бросается вперед и ударяет ногой ближайшего, халат взвивается и отлетает, как птица, — под ним никого нет. Шах откидывает ногой другие халаты, и под ними тоже пустота.

«Но среди них есть один! Он спрятался, чтобы подобраться и ударить ножом в мое сердце, сердце, которое живет и бьется только для счастья и величия славного рода хорезм-шахов».

— Довольно! Шах приказывает вам: уходите! — Голос звучит глухо, чуть слышно, — и все исчезает. Степь расстилается кругом,

¹ Хорезмским морем в XIII веке называлось Аральское море.

пустынная, серая и немая. Жесткие стебли травы как царапины на омертвевшем небе. Теперь шах один, совершенно один в пустыне, без коня. А где-то здесь, совсем близко, за одним из серых холмов, в лиловой впадине притаился тот единственный, который должен его зарезать... Все хотят его смерти, но только один решился прикончить его жизнь. Кто же он?

Вдали эхом звучит крик толпы:

— Да живет Джелаль эд-Дин! Слава храброму сыну и наследнику хорезм-шаха Джелаль эд-Дину!

«Забыв меня, они уже готовы целовать руки моего сына? Надо покончить с этим, довольно! Я раздавлю того, кто встанет на моем пути, — пусть это будет багдадский халиф или мой непокорный сын! Довольно!..»

Еще в полусне шах услышал возле себя шорох и почувствовал, как что-то холодное коснулось его лица. Страх и страстная жажда жизни заставили его разом напрячь все силы и вскочить. Шах раскрыл глаза и стал тревожно всматриваться в темные углы комнаты.

От большого очага в стене¹ веяло теплом раскаленных углей. Около него сидел кто-то. Это дикая степная девушка, которую привезли вчера. Она в страхе отодвинулась, закрылась руками.

— Кто ты?

— Аллах велик! Я Гюль-Джамал, туркменка из пустыни. Вчера вечером тебя сонного под руки привели сюда, и ты как лег, так сразу и заснул. Я боялась тебя, ты так страшно хрипел и стонал во сне, точно умирал. Это тебя душили ночные «дивьи». Они летают в темноте над юртами и через верхнее отверстие пробираются внутрь, чтобы терзать тех, у кого на сердце убийство.

— А что у тебя было в руке? — И шах сжал ее маленькие руки.

— Мне больно! Оставь меня!

— Покажи, что было в руке?

— У меня нет и не было ничего. Хочешь, я спою тебе нашу степную песню о соловье, который влюбился в розу? Или расскажу сказку о персидском царевиче, увидевшем в зеркале лицо китайской княжны?

— Не надо сказок ни про розу, ни про царевича... А!.. Вот я нашел ножны от кинжала. Зачем ты пришла к твоему падишаху с ножом?

— Оставь меня! Старики учат: «Не бей коня, потеряешь друга...»

Гюль-Джамал выскользнула и отбежала.

— Вай-уай! Ты задушишь меня! Я тебя боюсь.

¹ В Средней Азии в XII веке не знали печей и разводили огонь либо по середине комнаты, имея вытяжное отверстие в потолке, либо в очаге в стене.

Она бросилась в низкую створчатую дверь и натолкнулась на двух служанок, которые подслушивали.

Шах, тяжело дыша, подошел к очагу. В его выпуклых, как у быка, глазах дрожали красные огоньки. Он постучал камышовой палочкой по медной чаше. Из створчатой двери показался старый слуга с козьей бородкой и упал перед шахом на ладони.

— Эту девушку вечером доставить в ковровую комнату. Здесь ли векиль и великий визирь?¹

— Все ждут тебя, светлейший, также «господин новостей»² и три имама.

— А хан Джелаль эд-Дин еще не приехал?

— Опоры престола еще нет.

— Пусть ожидают. Ко мне в бассейнную приведи брадобрея покрасить бороду и банщиков размять спину.

Хорезм-шах вышел в соседнюю комнату. Старый слуга, высохший и сгорбленный, со слезящимися красными глазами, стал собирать подушки и ватные одеяла и складывать их в нише стены. На ковре что-то блеснуло. Старик наклонился и поднял остро отточенный кинжал с ручкой из слоновой кости.

— Это туркменский нож... О, эти туркменки! Их гнева надо опасаться, как укуса ядовитого паука каракурта. Передать сейчас векилю или спрятать? А кто меня торопит?

Шах затянул туже шнурок шелковых просторных шаровар, опутал дородное чрево полосатым шарфом, засунул за пояс нож в серебряных ножнах, набросил на плечи длинную, крытую парчой соболью шубу. Из ниши в стене шах осторожно достал искусно скрученную белую чалму и привычным жестом надвинул ее на длинные полуседые кудри.

Сдерживая дыхание, шах прислушался возле двери, сжимая холодную рукоятку ножа.

«Осторожный всегда готов отразить нападение. В темноте извилистых переходов дворца внезапно может поразить рука измаилита³, подосланного моим заклётым врагом, халифом багдадским...»

— Ты здесь, векиль? — спросил он вполголоса.

— Я давно жду моего повелителя.

Шах отодвинул деревянный засов и приоткрыл дверь. Тускло озаренные двумя масляными светильниками, склонив низко спины, стояли фигуры приближенных сановников.

¹ В е к и л ь — смотритель дворца; великий в и з и р ь (или визир) — начальник государственной канцелярии и всех чиновников.

² Г о с п о д и н н о в о с т е й — начальник государственной почты.

³ И з м а и л и т ы — шнитская секта убийц, душителей, очень могущественная в XIII веке, впоследствии разгромленная монголами.

Всунув босые ноги в жесткие, остывшие за ночь туфли, Мухаммед прошел в следующую комнату. Там ждали слуги. Один держал глиняный светильник, другой — серебряный таз, третий — кувшин с изогнутым узким горлышком. Они помогли шаху совершить омовение около водоема, где вода стекала в отверстие в каменном полу. Четвертый слуга подал на вытянутых руках длинное, расшитое шелками полотенце и надел на пухлые ноги повелителя шерстяные узорчатые носки.

Пока хорезм-шах занимался одеванием, векиль сообщал последние новости:

— Очень холодно на дворе. Все покрылось белым инеем... Три имама пришли во дворец и ждут повелений... Также ожидает начальник палачей Джихан-Пехлеван... Вчера вечером из Булгара прибыл большой караван в триста верблюдов с партией болгарских сафьяновых сапог и с сотней пленных урусов. Около двухсот рабов умерло в пути, хотя почти каждый день их кормили просяной кашей с кунжутным маслом. Перед этим другой караван был разграблен туркменскими разбойниками. Вероятно, это дело рук Кара-Кончара.

— Я разгромлю туркменские кочевья! Но больше всего меня лишают спокойствия паломники из Багдада. Не видно ли дервишей-арабов из Багдада? Все они лазутчики багдадского халифа, все они хотят мне зла.

— Какие негодные люди могут хотеть зла великому защитнику веры?

— Такими стали мусульмане!

Окончив одевание, шах направился своим обычным путем, сперва коридорами, затем витой каменной лестницей. Векиль и евнух с факелом шли впереди и раскрывали двери. Шах поднялся на верхушку каменной дворцовой башни.

Глава 2

НУБА¹ ИСКЕНДЕРУ² ВЕЛИКОМУ

На ровной площадке, вдоль стены с бойницами, полукругом стояли двадцать семь юных ханов — сыновей владетелей Гура, Газны, Балха, Бамияна, Термеза и других областей. Этим юношей и мальчиков шах держал под строгим надзором при своем дворе заложниками,

¹ Н у б а — парадное музыкальное чествование (военная серенада) Александра Македонского, которое было введено хорезм-шахом Мухаммедом во дворцах правителей округов.

² И с к е н д е р В е л и к и й — Александр Македонский.

чтобы их отцы, феодалы ханы, не вздумали поднять меч восстания. У всех юношей были в руках барабаны и бубны с погремушками.

Тут же находились музыканты с длинными трубами-карнаями, го-боями и медными тарелками. В стороне стояло несколько главных военачальников хорезмийского войска.

Когда дородный величественный шах Мухаммед поднялся по лестнице на площадку, то все закричали:

— Да здравствует много лет непобедимый падишах, защитник веры, гроза язычников!

Шах обвел всех угрюмым взглядом.

— А где Тимур-Мелик?

— Я здесь, государь.

Высокий, худой, всегда веселый Тимур-Мелик, неизменный спутник Мухаммеда в его походах, вышел вперед, ведя за руки двух мальчиков: один был самый младший сын шаха от последней жены, кипчакской ханши, другой — его внук от сына Джелал эд-Дина и туркменки. Тимур-Мелик поставил мальчиков около шаха. Тот склонился к своему сыну и ласково ущипнул его за щеку. А внука сурово спросил:

— Где шатается хан Джелал эд-Дин? Опять бродит по степи?

— Отец уехал с соколами на охоту, — сказал мальчик. Его черные глаза из-под белой чалмы смотрели настороженно.

— Тимур-Мелик! Послать всадников по трем направлениям и разыскать хана Джелал эд-Дина! Туркмены продолжают нападать на караваны. Они могут напасть и на моего сына.

— Будет сделано, благословенный!

Сверху, точно с облака, прозвучал тонкий, похожий на детский, голос:

— Блажен, кто бодрствует! Счастлив, кто не спит!

Высокий минарет, точно свеча, вознесенная к небу, засветился на самой верхушке розовым лучом выглянувшего из-за далеких гор солнца. Все здания города еще были погружены в туманные сумерки.

Старший из молодых ханов подал хорезм-шаху барабан.

Мухаммед воскликнул:

— Слава великому Искендеру! Слава завоевателю мира! Искендер прошел через все земли Ирана до берегов Джейхуна и Зерафшана¹. Искендер для нас пример, он наш учитель! Воздадим ему славу, трижды сыграем громкую нубу.

¹ З е р а ф ш а н — «золотая река», вытекающая с Гиссарского хребта к югу от Самарканда. Ее водами искусственно орошаются самаркандские и бухарские посе­вы.

Загремели бубны и барабаны. Зазвенели медные тарелки. Сипло заревели длинные трубы, и запищали сопелки. Трижды все подымали звон и грохот в честь храброго македонца. Когда все затихли и гулкое эхо еще отдавалось в высоких башнях дворца, Тимур-Мелик воскликнул:

— Мы воздали должную славу великому румийцу¹ Искендеру Двурогому. Мир праху его! Но он по молодости лет исполнил только половину того, что ему предстояло сделать. Теперь у нас есть новый Искендер, великий Мухаммед-воин, Мухаммед-полководец, Мухаммед — создатель великой империи Хорезма! Да продлит Аллах царствование могучего повелителя стран ислама, шаха Мухаммеда Алла, эд-Дина! Да прославится он как непобедимый полководец, защитник веры, меч Ислама!. Исполним в честь нашего великого шаха трехкратную нубу!

В тихом воздухе вновь загремели бубны, тарелки, барабаны и свирепо заревели длинные трубы.

Мухаммед стоял у бойницы суровый, грозный и задумчивый, расправив широкие плечи, и казалось, великие мысли бродят под его белоснежной чалмой.

— Мир вам! Идите! — сказал хорезм-шах.

Все поочередно, сложив руки на животе, подбегали к нему мелкими шажками; коснувшись губами полы шахской шубы, пятились обратно и исчезали в темном отверстии лестницы.

Последним уходил Тимур-Мелик, держа за руки обоих мальчиков.

— Дада² мне обещал привезти живого джейрана, — говорил внук шаха.

— А мне падишах подарит охотничьего барса... чтобы он съел и твоего джейрана, и тебя, змееныш!. — ответил сын кипчакской ханши.

Шах облокотился на выступ бойницы. Внизу в беспорядке громоздились плоские крыши. Дворец состоял из многих низких построек, связанных переходами в одно большое, неправильно разросшееся здание. Его окружала высокая старая стена с пузатыми сторожевыми башнями. Неподвижные часовые с копьями резко выделялись на светлеющем небе.

Шах долго смотрел вдаль, на просыпающийся огромный город, затянутый дымом, подымавшимся над плоскими домиками. Затем глаза его остановились на одном из дворцовых двориков, где под старым высоким тополем белела юрта. В ней пританлась новая жемчужина

¹ Румиец (*рум*) — грек.

² Дада — ласкательное слово «отец», «батюшка».

гарема, смуглая туркменка Гюль-Джамал, убежавшая от него утром. Она не захотела помириться с темными покоями дворца и потребовала себе юрту, чтобы жить так, как привыкла в степи, как живут простые туркменки, пропахшие дымом. Она не желает переселиться в гарем, к другим «розам Эдема». Она все еще не понимает, как она должна себя держать! Недаром ее так ненавидит царица-мать Туркан-Хатун.

— Надменная девчонка! Подняла руку на своего владыку! Посмотрю, как она будет извиваться и визжать, когда в ковровую комнату к ней войдет мой любимый барс!..

Снизу, от подножья башни, донеслись крики. В утренней тишине слова лились ясно и отчетливо:

— Слушайте, правоверные! Шах Мухаммед отвернулся от законов ислама и принял ересь алидов-шаффиитов¹. Он ласкает еретиков-персов и окружил себя язычниками-кипчаками. Отец его, шах Текеш, был честный туркмен, а Мухаммед плетет на туркмен. Не верьте ему!

— Кто это там воет? Векиль, что ты не смотришь за порядком?

Векиль склонился перед шахом низко, точно прося прощения:

— Это в подвале башни кричит дервиш, шейх Медж эд-Дин. Его не устрашают ни оковы, ни мрак тюрьмы. К нему особенно благоклонна твоя мудрейшая мать Туркан-Хатун. Но он произносит бесстыдные речи против своего падишаха. Вчера все дервиши города собрались в поле и поклялись прийти толпой к тюрьме, чтобы освободить из подвала этого безумного шейха Медж эд-Дина.

Мухаммед потряс векиля за плечи.

— Ротозей! Скорее скажи начальнику палачей Джихан-Пехлевану, что я поручаю этого бунтовщика его крепким рукам... И чтоб он поторопился, пока не прибежали и не освободили его безумные дервиши.

Хорезм-шах спустился с башни и прошел в приемную. Стены ее были затянуты красным сукном. Здесь падишаха ожидали три седобородых имама. Сбросив туфли у дверей, шах прошел на середину комнаты и опустился на ковер. Ноги он просунул под шелковое ватное одеяло, прикрывавшее теплое отверстие в полу, где находилась жаровня с горячими углями.

— Подходите, садитесь, мои учителя!

Три имама, стоявшие на коленях на краю ковра, приблизились, шепча арабские выражения благодарности, и уселись рядом, скрыв также ноги под одеялом.

¹ Мусульманство разделяется на две главные секты — суннитскую, исповедуемую турками-османами, и шиитскую (или шаффиитскую), главными поклонниками которой являются персы (иранцы).

— Начинайте, — сказал шах. — Объясните, прав ли я, сильнейший повелитель земель ислама, требуя, чтобы халиф багдадский подчинялся мне? А также объясните, что я должен делать, если халиф мне не покоряется?

Имамы развернули принесенные с собой большие старинные книги и поочередно нараспев стали выкрикивать тексты из Корана, доказывая, что хорезм-шах Мухаммед — высшая власть на земле после Аллаха, что он всегда прав и каждое его приказание, каждое слово — свято...

В комнате было темно. Слабый свет проникал в решетчатое круглое окно, прорезанное в стене у самого потолка. Масляный светильник на бронзовой подставке разливал дрожащий свет. Имамы нараспев читали, не глядя в текст, арабские фразы.

Позади шаха стоял важный «расстилатель скатерти», главный распорядитель шахской еды. Одним словом или движением брови он давал приказание беспшумно скользившим по ковру слугам. Второй сановник — «подающий» — принимал серебряные блюда от главного повара. Из дверей выглядывали лица сановников, толпившихся в ожидании шахской милости.

Чернокожий невольник, с серебряным кольцом в носу, поставил широкий низкий столик над одеялом. «Расстилатель скатерти» ловким движением набросил на столик шелковую скатерть — достархан. «Подающий» опустил перед шахом серебряный поднос с чашками горячего чая, приправленного солью и бараньим жиром. На скатерть он положил стопку тонких подрумяненных лепешек с запеченными кусочками сала и поставил ковшики с растопленным коровьим маслом, сметаной и медом.

Слушая речи имамов, шах пил одну чашку за другой, заедая лепешками. Разогретый жаровней и чаем, падишах облокотился на поставленные вовремя подушки и захрапел. Это было знаком, что государь доволен объяснениями ученых имамов. Все беспшумно удалились. Исчез стол с достарханом, скрылись сановники и слуги. Только чернокожий невольник присел на корточках возле двери, ожидая, когда проснется великий правитель исламских земель.

Глава 3

КНЯЗЬ ГНЕВА

В Гургандже все знали высокую мрачную «Башню вечного забвения» рядом с шахским дворцом на главной площади.

На низкой, окованной железом двери висел большой замок. Ключ болтался на шее у сторожа, который сидел тут же на ступеньке, при-

слонив короткое заржавленное копьё к кирпичной стене. На земле перед сторожем лежал обрывок ковра, где прохожие клали свои подаяния: деревянную миску с кислым молоком, лепешки, пучок лука, горсть медных денег... Сторож иногда разрешал более щедрым подойти поближе к башне и поговорить с заключенными.

Внизу башни чернело несколько круглых дыр с решетками. Из подвала доносились глухие крики. Когда слышались шаги прохожих, крики в подвале усиливались, из отверстий высывались костлявые руки, хватавшие воздух. Простой крестьянин в полосатом халате с выцветшим голубым лоскутом вокруг головы и мулла в огромной белоснежной чалме, бросив монету сторожу, безмолвно подходили к отверстию стены и подавали куски хлеба протянутым сквозь решетку тощим грязным рукам. Тогда крики усиливались и слышны были проклятия тех, кто не мог дотянуться до окна.

— Подайте лишенным света!

— Пожертвуйте старую рубашку! Заели клетки.

— Ойе! О-о! Ты наступил на мои глаза!

Со стороны переуллка донесся гул толпы. На площадь вышли дервиши в высоких колпаках, с длинными посохами. Они выкрикивали хором молитвы; за ними бежали любопытные. Дервиши бросились к двери тюрьмы и принялись стучать в нее камнями и посохами, стараясь сбить замок. Некоторые заглядывали в отдушины подвала и кричали:

— Шейх Медж эд-Дин Багдади! Жив ли ты? Мы пришли возвести хвалу тебе, мученику веры и правды! Сейчас мы освободим тебя!

Из глубины подземелья донесся протяжный крик, и все, прислушиваясь, затихли.

— Да проклянет Аллах жестоких ханов, притесняющих народ! Да погибнут все палачи и грабители!

Отгесненный дервишами сторож побежал во дворец. Оттуда уже мчались кипчакские всадники. Они плетью разогнали толпу, и дервиши с криками разбежались по площади.

Наверху, над въездными воротами дворца, между бойницами, показались несколько человек. Один, высокий, в оранжевом полосатом халате, стоял впереди. Остальные, молча сложив руки на животе, почтительно ожидали его приказаний. Когда хорезм-шах показывался над воротами дворца — это был плохой знак: предстояла чья-то казнь.

Из ворот парами вышли «джандарь» — палачи шаха, осанистые, мускулистые, в синих рубашках с засученными до плеч рукавами, в широких желтых шароварах, расшитых красными узорами. Держа

на плече большие хорасанские мечи, они цепью растянулись вокруг площади, отодвинув напиравшую толпу. Последним шел главный палач, «князь гнева» Махмуд Джихан-Пехлеван («силач вселенной»), высокий, сутулый, тощий, с растопыренными руками — знаменитый душитель. Халат его был засунут внутрь желтых замшевых шаровар и перетянут широким ремнем. Через плечо висел ковровый мешок. В нем он поднесет шаху голову самого важного казненного.

Посреди площади темнел квадратный ров, высился помост и близ него стояли четыре столба с перекладинами. Два полуголых раба, звеня цепями, приволокли большую ивовую корзину и поставили рядом с помостом.

Сторож тюрьмы отпер окованную железом низкую дверь. Главный палач с несколькими помощниками спустился в подземелье. Оттуда раздались неистовые выкрики, сменившиеся полной тишиной. Палачи вывели из подвала пятнадцать заключенных. Все они были прикованы правой ногой к единой общей цепи.

Вывалянные в грязи, едва прикрытые лохмотьями, с отросшими в долгом заключении всклокоченными волосами, осужденные цеплялись друг за друга и, жмурясь от яркого солнца, поплелись через площадь. Дверь в тюрьму захлопнулась. Снова повис тяжелый замок, и из подземелья понеслись непрерывные крики.

Стража шагала по сторонам скованных смертников. Один из них, дряхлый старик с кошной спутанных волос, споткнулся и свалился, потянув за собой двух соседних. Их подняли ударами и погнали дальше к месту казни. На помосте их пригнули, опустив на колени. Один палач хватал обреченного за волосы, а главный джандар, держа меч обеими руками, одним ударом отсекал голову, показывал ее затихшей толпе и бросал в корзину.

В толпе спрашивали: «Который из казнимых глава дервишей, шейх Медж эд-Дин Багдади?» Истощенные от голода и болезней узники ходили друг на друга. Когда отлетела голова четырнадцатого, вой поднялся по всей площади:

— Падишах говорит! Падишах приказывает!

Все обернулись к площадке над воротами дворца. Стоявший наверху хорезм-шах размахивал пестрым платком. Это означало: «Остановить казнь! Шах прощает осужденного!»

Вытирая длинный меч красной тряпкой, главный палач крикнул:

— Приведите кузнеца!

Пятнадцатый из осужденных был Туган, воспитанник Мирзы Юсуфа. Еще мальчик, он смотрел расширенными глазами, не понимая, что произошло.

— Кланяйся падишаху за высокую милость! — сказал палач и, повернув мальчика в сторону дворца, пригнул его к земле. Бывший наготове кузнец начал разбивать цепь на ноге Тугана.

— Постой! Куда ты? Я еще не кончил!.. — воскликнул кузнец, но Туган, видя, что он больше не прикован к цепи смертников, прыгнул с помоста в толпу. Сзади неслись крики, а Туган, согнувшись, пробирался между теснившимися горожанами, стараясь поскорее убежать подальше.

Площадь около тюремной башни опустела. Сторож стоял у двери, опираясь на заржавленное копьё.

Вдоль стены пробиралась девочка, завернутая до глаз в длинный платок. Она подошла к отверстию внизу башни и осторожно позвала:

— Туган! Оружейник Туган!

В отверстие просунулись истощенные руки, хриплый голос ответил:

— Твой Туган уже потерял голову! Дай нам поесть, чтобы мы его помянули молитвой.

Девочка припала к отдушине и с отчаянием закричала:

— Туган, откликнись, жив ли ты?

Новый вопль донесся из подземелья:

— Отдай нам то, что ты принесла! Твоему Тугану уже ничего не нужно! Он теперь наслаждается пловом вместе с пророком в садах райских...

Девочка передала просунутым в отдушину рукам хлеб и дыню и подошла к сторожу:

— Скажи мне, Назар-бобó¹: правда ли, что мальчик Туган умер?

— Наверно, умер. Ведь его повели вместе с другими на казнь... — Сторож показал рукой на площадь.

Подошел старый дервиш, сунул в руку сторожа несколько монет и стал шептать ему на ухо:

— Почему среди казненных не было нашего святого шейха Межд эд-Дин Багдад¹? Отложена казнь или хорезм-шах простил его?

Сторож, пряча деньги в складки крученого пояса, пробормотал:

— Государь разгневался на шейха за его проклятия и приказал поскорее казнить, пока его не освободили дервиши.

— Но он еще жив?

— Нет! Когда из подземелья выводили осужденных, туда спустился главный палач Джихан-Пехлеван и сам задушил святого шейха...

¹ Б о б ó — дедушка.

Глава 4

ПРИШИТАЯ ТЕНЬ

Торопись обрадовать добрым словом встречного: быть может, больше не придется встретиться.

Восточная пословица

Выбравшись из толпы, Туган попал в глухую улицу, где тянулись сплошные глиняные стены. Улица привела его к берегам канала.

Мутная темная вода медленно текла среди насыпанных высоких берегов. Длинные неуклюжие лодки тихо подвигались, нагруженные тюками, хворостом, сеном и сбившимися в кучу баранами.

«Уехать бы в такой лодке далеко, в чужую страну... Но кто меня пустит туда, такого грязного, покрытого ранами, в полуистлевшей рубашке!»

Недалеко от берега желтела песчаная отмель. Туган расположился на ней — выполоскал свою одежду, мылся, грелся на солнце, отдыхал, погруженный в свои думы.

«Куда деваться смертнику, выпущенному из тюрьмы? Кто возьмет на работу? Город тесен, а народу много, и всякий хочет заработать чашку плова... — Туган посмотрел на ногу, где продолжало висеть тяжелое железное кольцо с выбитой надписью: «Навеки и до смерти». — Мой старый Юсуф-Мирза не захочет и разговаривать со смертником, вышедшим из тюрьмы; одна только Бент-Занкиджá, быть может, пожалеет. Но разве он смеет показаться перед ней, покрытый язвами, как прокаженный?..

Все же мне придется вернуться к моему хозяину Кары-Максуму. Он позволит расклепать это железное кольцо».

Туган стал пробираться длинной улицей, где по обе стороны тянулись лавки и продавцы сидели на выступах, покрытых коврами. Товары висели на раскрытых створках дверей и лежали на полках вдоль стен.

Улица, завешенная сверху циновками, была в полумраке. Лучи ослепительного солнца падали косыми полосами, освещая то пару желтых сапог, расшитых розовыми и зелеными шелками, то круглый железный щит с чеканенной серебром надписью из Корана, то полосатые материи, которые торговцы разворачивали перед кочевником в малахае, обшитом волчьим мехом, или перед группой женщин в ярких, пестрых одеждах.

Кузница хозяина Кары-Максума в Кузнечном ряду была крайней. Отовсюду неся грохот молотков, лязг железных листов. Здесь кузне-

цы выделывали оружие: кривые сабли, короткие ножи, наконечники копей.

Рабы — персы и урусы — работали в одних шароварах, в кожаных, прожженных передниках. Нагнувшись над наковальней, они выбивали молоточками искусные узоры на медных тазах. Другие с хриплыми вздохами колотили тяжелой кувалдой по раскаленной полосе железа. Вымазанные сажей мальчишки стояли около мехов, раздувая в горнах угли, и бегали с деревянными ведрами за водой.

Хозяин Кары-Максум, толстый и широкоплечий, с выкрашенным красной краской концом седой бороды, поругивая рабочих, сидел на глиняной завалинке, покрытой обрывком ковра, и отвечал на приветствия прохожих. Возле него двое рабов, один молодой, с выжженным тавром на лбу (за то, что пытался бежать), другой старый, с равнодушным закоптелым лицом, равномерно били небольшими молотками по пучку железной проволоки. Они делали самую ценную работу: не накаливая клинка на углях, вырабатывали «холодным способом» знаменитую узорчатую дамаскую сталь — «джаухар».

— Ты чего сюда пришел? Заворачивай обратно! — крикнул хозяин. — Не думаешь ли ты, что я возьму к себе в мастерскую смертника, побывавшего в зиндане?

— Разреши мне взять молоток, я сам разобью железное кольцо...

— Чтобы ты пачкал твоими преступными руками мои молотки? Уходи, пока я не прижжет тебя щипцами!

Туган отошел, полный гнева из-за незаслуженной обиды. Мальчик готов был пойти куда глаза глядят. Рассеянным взглядом он уставился на дервиша, присевшего у стены. Луч солнца, пробившись между щелевыми навеса, ярко осветил его пестрый плащ, сшитый из лоскутков всех цветов.

Дервиш, бормоча вполголоса священные изречения, нашивал большой иглой розовый лоскут поверх выцветших синих, рыжих и зеленых заплат.

Туган стоял, раскачиваясь от обиды и отчаяния. Черная тень его прыгала, падая на колени дервиша.

— Видишь, мальчик, — сказал дервиш. — Я пришел новую заплату к моему плащу, а на заплату падала твоя тень. Вместе с заплатой я пришел твою тень. Теперь ты крепко привязан ко мне и будешь, как тень, ходить за мной.

Мальчик бросился к дервишу и присел около него.

— Ты говоришь правду или смеешься? Я буду служить тебе и делать все, что ты прикажешь, только не отталкивай меня!

Дервиш покачал головой.

— Я слышал, как этот надменный хозяин прогонял тебя. О чем печалишься? Разве мир стал тесен? Будь моим проводником! Пойдем вместе отсюда в «благородную Бухару». Никогда не оставайся там, откуда тебя гонят, и иди с доверчивым взглядом к тем, кто тебя зовет... Теперь ты пришишь к плащу дервиша, и началась пора твоих новых скитаний. Иди за мной, мой младший брат!

Постукивая посохом, дервиш пошел вперед, а за ним, хромя, плелся изможденный Туган. Миновав несколько кузниц, дервиш остановился на углу улицы. Там была площадка, где закоптелый бродячий кузнец возился около ручного горна. Он был похож на живой скелет, обтянутый кожей. Но тонкие руки привычными приемами работали молотком и клещами на небольшой переносной наковальне, и один за другим равномерно и быстро падали в деревянную миску с водой изготовленные кузнецом черные мелкие гвозди.

— Эй, почтенный усто!¹ Сумеешь ли ты расклепать это железное кольцо и не поранить мальчика?

— Если ты мне дашь два черных дирхема, то я это сделаю, — сказал кузнец, наклонившись к кольцу. — Хорошее, прочное железо ставит падишах на цепи в своих тюрьмах. Если ты мне дашь в придачу еще серебряный дирхем, то я тебе из этого железа изготовлю отличный нож.

Дервиш достал из-за пояса кошель и показал старику серебряную монету.

— Пусть будет так, как ты говоришь... Но видишь ли на кольце надпись: «Навеки и до смерти»? Так ты сделай такой нож, чтобы эта надпись на нем сохранилась.

— Будет тебе такой нож, — пробормотал старик и толкнул Тугана. — Ставь ногу на наковальню! — Шепотом он добавил: — «Навеки и до смерти» дерись с шахом и его палачами!..

Глава 5

ЩЕДРОСТЬ

Постукивая посохом, дервиш Хаджи Рахим проходил по узким улицам огромного главного базара Гурганджа.

Здесь были ряды медной посуды, тазов, подносов и кувшинов, начищенных, блистающих, как огонь, украшенных искусно выбитыми узорами. Были ряды с медными резными фонарями для свечей и глиняными мисками, тарелками и чашками. Были ряды тонкой китай-

¹ Усто — мастер.

ской посуды, белой и голубой, а также стеклянной иракской, издающей чистый звон.

Особые ряды благоухали редкими бальзамами, как целебными, так и придающими аромат. Там же подавались ценные лекарства, такие, как тангутский ремень, касторовое и розовое масла, мыльный порошок «гасуль», растертый из солончаковых трав — целебный одновременно для кожи, для десен и для желудка. Здесь можно было найти ценную землю, смешанную с благовониями, употребляемую для мытья в банях, и зеленую персидскую глинку, мгновенно удаляющую волосы, и бухарское укрепляющее волосы масло, которым мажут голову, и тибетский мускус, и индийскую амбру, и темные шарики гашиша, дающего дурман.

Пробираясь среди пестрой толпы, которая заливала базар шумным потоком, Хаджи Рахим останавливался у лавок, как бы ожидая подаяний, но внимательно всматривался в каждого продавца, отыскивая кого-то.

Когда он попал в ряды, где выставлены были груды материй и сукон, то важные купцы, сидевшие, скрестив ноги, бросали ему медные монеты и говорили:

— Проходи с миром дальше!

Они боялись, чтобы черная рука дервиша не прикоснулась к серебристой шелковой ткани «симчуж» или к драгоценной золотистой парче, подносимой в знак почета могущественным и знатным бекам.

В этом ряду Хаджи Рахим увидел человека, похожего на того, кого он искал. Этот человек сидел среди других купцов, обложенный шелковыми подушками. Исхудавшее лицо его, бледное, как самаркандская бумага, с ввалившимися черными глазами, говорило о перенесенной болезни. Сидевшие по сторонам купцы обращались к нему с особой почтительностью и наперерыв предлагали миндальные пирожные, пряники, варенные в меду орехи и фисташки. Купец был в дорогой светло-серой шерстяной одежде и шелковом пестром тюрбане. Он держал китайскую голубую чашку с чаем. На указательном пальце его синела большая бирюза, приносящая здоровье.

Дервиш остановился подле лавки. Купцы бросили в его миску для подаяний несколько монет, но дервиш продолжал стоять молча.

— Проходи с миром! — сказали купцы. — Тебе уже дано.

Наконец больной купец перевел на него свой взор. Черные глаза его удивленно раскрылись.

— Что ты от меня хочешь? — сказал он.

— Говорят, что ты человек сильный и много видел на своем веку, проходя с караванами по вселенной, — сказал Хаджи Рахим. — Не можешь ли ты мне ответить на один вопрос?

— Если ты хочешь, чтобы я объяснил тебе священные книги, то есть люди, больше меня знающие, ученые улемы и святые имамы. А я купец, умею только считать и отмерять сукна.

— Довольно, святой дервиш! Проходи с миром! — закричали купцы. — Мы же тебе положили от нашего достояния. — И они бросили в кяшкуль¹ еще миндальных пирожных и орехов.

— Нет, я жду твоего ответа, потому что мой вопрос будет касаться тебя, почтенный купец.

— Говори!

— Если бы у тебя был друг, верный, преданный, который с тобой делил и горе, и тяжелую дорогу, и голодал вместе, и переносил жару и снежную бурю... ценил бы ты его?

— Как же такого не ценить? — сказал купец. — Говори дальше.

Тогда дервиш сказал, обращаясь ко всем:

— Да будет светел круг ваш, радостно утро и сладок напиток! Взгляните на того, кто был и богат, и приветлив, и полон довольства, у кого был счастливый дом и цветущий сад, и всегдашняя чаша пиршества. Но я не мог отклонить от себя плети гневной судьбы, нападок бедствий и злобных искр зависти. И гнал меня бич черных несчастий, пока не опустела рука моя, не стал просторен мой двор, не высох сад и не рассеялись друзья пира. И все изменилось. Я питался тоской, мой живот ввалился от голода, и не приходил сон, румянивший бледное лицо. Но остался у меня один друг. Он не покидал меня в скитаниях, когда ущелье было моим жалким жилищем, камень — моим ложем и босая нога моя ступала на колючий терн. Друг прошел со мной вместе в славный город Багдад, в священную обитель молящихся — Мекку. Все время он облегчал мои силы, нес мою сумку и согревал меня холодной ночью. Но медлил и не приходил день счастливой судьбы. Внезапный гром разлучил меня с моим другом, когда я достиг богатой равнины Хорезма, и я теперь вечный брат нищеты и не имею крова для ночлега...

Большой купец спросил:

— Но почему тебя разлучили с твоим другом? Ведь, если он побывал на родине пророка, он может носить белую повязку, знак паломника — хаджи. Кто же осмелился обидеть и его и тебя?

— Причиной разлуки — один купец.

— Расскажи мне о нем.

— Хоть я и последний из несчастных, но я нашел в пути еще более несчастного — купца, израненного разбойниками и брошенного

¹К я ш к у л ь — миска для подаваний в виде лодочки, изготавливаемая обычно из кокосового ореха.

без помощи. Я сделал, что мог, перевязал его раны, хотел довести до Гурганджа... и сохранил ему золотого сокола...

Внимательно слушавший купец вздрогнул и прервал дервиша:

— Не продолжай! Мы все уже знаем, что случилось с купцом. Ведь этот купец перед тобой. Я давно хотел разыскать тебя, чтобы отблагодарить. Но кто же твой друг? Может быть, я могу извлечь и его из застенка бедствий?

— Ты один только можешь вернуть мне друга. Он не смеет носить белую повязку и называться хаджи, потому что у него, как у шайтана, привешен хвост. Это мой осел. Жадный правитель округа, у которого ты остался лечиться, отобрал моего осла. Если ты мне поможешь достать другого, то сбудется все, чего я желаю.

— Ты получишь твоего осла. Я откупил его у хакима, и он здесь, во дворе. Слышишь, не он ли кричит и приветствует тебя? Но этого мало. Теперь ты можешь выбрать в этой лавке, что только захочешь: лучшие одежды, и сафьяновые сапоги, и материи — бери все, что только тебе понадобится.

— Я — дервиш! У меня есть грубый шерстяной плащ, и этого с меня довольно. Но я берусь рукой за полу твоей щедрости только для того, чтобы ты одел мою совсем голую тень. Тень всюду следует за мной и не имеет ничего, чем прикрыть свое исхудавшее тело.

Купцы засмеялись.

— Ты все шутишь, дервиш! Как же можно одеть твою тень?

— Да вот она стоит перед вами! — И дервиш показал рукой на нищего мальчика Тугана, прислонившегося к стене.

Больной купец ударил в ладони.

— Гассан, — сказал он подошедшему слуге. — Проведи этого мальчика в лавку, где продается готовая одежда, и одень его так, как ты одел бы путника, отправляющегося в дальнюю дорогу.

— Все ему дать?

— Ты его оденешь «сор-та-пай» (с головы до ног) и дашь ему все: чекмень, рубашку, шаровары, носки, сапоги, пояс и тюрбан. А ты, почтенный «джихан-гешт» (скиталец вселенной), приходи сегодня вечером ко мне. Гассан расскажет тебе, как найти мой дом.

Слуга провел дервиша и смущенного Тугана в лавку, где висели разные одежды: мужские, женские и детские. И хотя слуга Гассан предлагал выбрать все самое лучшее, дервиш указал только на то, что прочно и удобно в дороге. Когда Туган вышел из лавки, одетый, как сын гурганджского жителя, с закрученной вокруг головы синей чалмой, Гассан передал дервишу кожаный кошелек и сказал:

— Мой хозяин, почтенный Махмуд-Ялвач, приказал передать тебе также эти пять золотых динаров, чтобы ты ни в чем не нуждался в

дороге. Кроме того, во дворе хозяина тебя ждет твой осел с седлом. Ты можешь взять его в любое время. Вероятно, ты оказал большую услугу моему хозяину? Он редко бывает щедрым.

Вечером Хаджи Рахим посетил купца Махмуд-Ялвача. Тот ждал его в красивой беседке, укрывшейся среди большого сада. Когда они выпили чашку золотистого чая и слуга удалился, купец шепотом спросил:

— О каком золотом соколе ты говорил сегодня?

Дервиш достал из складок своего пояса золотую пластинку с вырезанным на ней соколом и передал Махмуд-Ялвачу. Тот порывисто схватил ее и спрятал за пазухой.

— Запомни мои слова, — сказал он. — Что бы ни случилось, хотя бы произошел взрыв вселенной, если ты услышишь обо мне, можешь смело прийти в мой дом. Я всегда помогу тебе. Что ты будешь делать в Гургандже?

— Завтра я ухожу отсюда в Бухару. Я боюсь оставаться здесь, где над головой всегда занесен меч, не разбирающийся, прав или не прав тот, на кого он упадет. Нет, лучше посох странника и далекая дорога.

Глава 6

ЗАГОВОР ЦАРИЦЫ ТУРКАН-ХАТУН

Под главенством такой умной женщины, как Туркан-Хатун, влияние военной (кипчакской) аристократии скоро пошатнуло авторитет престола. Кипчаки могли беспрепятственно опустошать занятые ими земли, хотя бы они явились туда в качестве освободителей, и делать имя своего государя предметом ненависти населения.

Академик В. Бертольд

Створчатые ворота Арк¹ раскрылись, и пара за парой стали выезжать на откормленных жеребцах всадники в белых бараньих шапках, красных полосатых кафтанах и с блистающими золотом кривыми саблями.

Мухаммед, шах Хорезма, в белом шелковом тюрбане с алмазными сверкающими нитями, угрюмо сидел на широкогрудом гнедом коне

¹ Арк — высокая арка, разукрашенная цветными изразцами, служившая парадным входом во дворец.

с богатой золотой сбруей. Малиновый парчовый халат шаха, пояс и сабля, усыпанные драгоценными камнями, ослепительно блестели на солнце.

Позади властителя Хорезма следовали два молодых всадника. На вороном туркменском жеребце с серебряным опшейником ловко сидел смуглый удалец. Это был сын туркменки, наследник шаха Джелаль эд-Дин. Рядом с ним на пегом иноходце с длинной черной гривой, заплетенной в мелкие косички, ехал мальчик в парчовом халатике — самый младший и любимый сын шаха, от кипчакской княжны.

Далее следовали важные сановники Хорезма, гарцевавшие на конях, покрытых алыми чепраками.

Конвойная тысяча шаха разделилась. Одна часть, двигаясь впереди через главную улицу базара, разгоняла плетью толпившихся любопытных. Другая половина шахских джигитов замыкала процессию.

Все встречные падали на колени, склоняясь головой до земли. Они не имели права взглянуть вблизи на властителя величайшей страны ислама. Купцы, услышав потрясающий хриплый рев длинных кожаных труб и грохот барабанов, поспешно вытаскивали из лавок ковры и расстилали их прямо в грязь по пути следования шаха.

Шах Мухаммед привык к восхвалениям и крикам преданности. Его равнодушный взгляд скользил по бесчисленным полосатым спинам, склонившимся к копытам его гнедого коня. Ничего нельзя было прочесть на его опухшем лице. Белизна чалмы особенно ярко оттеняла его большую черную бороду.

Перед въездными воротами дворца шахини-матери Туркан-Хатун, по обе стороны пути, стояли отборные кипчакские воины в знаменитых хорезмских, непроницаемых для стрел кольчугах, в шлемах со спущенными на переносицу стрелками, с длинными гибкими копьями в руках.

— Да живет и царствует шах Мухаммед непобедимый! — гремели восклицания воинов, подхваченные толпой; люди сбегались из переулков и карабкались на крыши и глиняные стены.

Мухаммеда поразило, что, против обыкновения, кипчакских воинов было слишком много, в несколько раз больше, чем вся его охрана. Для чего их собрали? Нет ли здесь ловушки? Не повернуть ли, пока не поздно, обратно? Нет, к чему подозрения! Разве может родная мать устраивать западню своему сыну? Разве он после смерти отца, шаха Текеша, не оставил матери всю силу власти, равную его собственной? Разве кипчакские воины из ее рода Канглы не участвовали во всех его походах и, возвращаясь в кочевья, не привозили с собой обильную добычу, о которой не мечтали их отцы? Вперед!

Мухаммед стегнул плетью задержавшегося перед воротами коня и двумя прыжками влетел во внутренний двор.

Кипчакские старики в праздничных халатах взяли под уздцы коня. Хорезм-шах соскочил с седла на разостланную бархатную дорожку. Прямой и сильный, несмотря на свои годы, он поднялся на ступени террасы с тонкими резными колонками и, пройдя мимо склоненных спин, вступил в прохладные покои дворца. Перед ним вырос эфиоп с золотым кольцом в носу.

— Царица цариц идет тебе навстречу. Саям твоему величию! — Эфиоп раздвинул занавес и крикнул высоким голосом: — Величие мира! Хранитель веры! Меч ислама!

Шах сделал несколько шагов вперед. В полумраке комнаты с отполированными деревянными стенами и решетчатыми окнами светилась золотой парчой маленькая фигурка. По обе стороны полукругом застыли на коленях двадцать знатнейших кипчакских ханов. Мухаммед, сложив руки на груди, склонился, мелкими шажками быстро дошел к матери и прошептал:

— Саям, Туркан-Хатун, свет добродетели, образец справедливости!

Складки парчи зашевелились. Круглый тюрбан с султаном из страусовых перьев почти коснулся пола, потом опять поднялся.

— Бедная, несчастная вдова, твоя мать, приветствует величайшего повелителя вселенной. Сделай мне почет и радость, сядь рядом со мной.

Мухаммед выпрямился, поднял глаза и увидел перед собой маленькое лицо, густо покрытое белилами и румянами, черные колючие глазки, в которых дрожали красные огоньки. Туркан-Хатун, подобрав под себя ноги, сидела на восьмигранном золотом троне, похожем на поднос; Мухаммед, как правитель страны, должен бы сесть рядом с матерью, но на троне не было места. Все было занято ее парчовым платьем, и шах опустился рядом на ковер. Этого только и ждала Туркан-Хатун, желавшая показать своим кипчакам, что хорезм-шах сидит ниже ее.

Мухаммед, подняв ладони, произнес молитву и провел концами пальцев по бороде. Все сидевшие шепотом повторили молитву.

Туркан-Хатун заговорила вкрадчивым, нежным голоском, тряся головой, и ворох парчи при этом равномерно шевелился, и перья на тюрбане дрожали.

— Я позвала тебя, мой величайший, мой возлюбленный сын, чтобы вместе обсудить важные дела. Они касаются счастья и благополучия нашего прославленного рода хорезм-шахов и судьбы преданных

тебе кипчакских ханов. Надо оберегать наш трон, нашу власть и наших друзей!

В комнате было тихо. Только сквозь прорези решетчатых окон снаружи доносились отдаленные перекаты криков: «Да живет хорезм-шах!»

— Я слушаю тебя, премудрая моя мать!

— До моей скромной хижины долетели слухи, будто ты готов к новым походам в отдаленные страны. Ты опять на своем велико-лепном коне будешь проноситься по равнинам битв. Но кто может раньше срока прочесть предначертания всемогущего, написанные в его «Книге судеб»? Если ты погибнешь мучеником за правую веру на поле сражения и унесешься, как молния, прямо в райские сады, то здесь без твоей могучей руки могут произойти беспорядки — да оградит нас от них Аллах! А так как наш слишком гордый внук Джелаль эд-Дин предпочитает перешептываться с туркменами, готовясь вырезать всех нас, кипчаков, то надо подумать о том, не следует ли вместо Джелаль эд-Дина заблаговременно назначить другое лицо управлять страной Хорезма?

— Мудрые слова! Драгоценные, как алмазы! — воскликнули кипчакские ханы и, выдвинув рукоятки сабель, со стуком задвинули их обратно.

— Поэтому, — продолжала царица, — посоветовавшись вот с этими самыми знатными ханами родного нам кипчакского народа, я решила, дорогой мой сын, передать тебе единодушную просьбу всех кипчаков, чтобы ты назначил наследником престола твоего младшего мальчика, Кутб ад-Дина Озлаг-шаха, сына твоей любимой жены, ханши кипчакской, а Джелаль эд-Дина отошли управлять самыми отдаленными землями — он постоянная угроза и тебе, и всем нам!

Все затихли, ожидая, что скажет шах Мухаммед. Он молчал, задумчиво накручивая на дрожащий палец завиток шелковистой бороды.

— Если же ты откажешься, то все кипчаки немедленно уйдут из Хорезма в свои степи, и я, как последняя нищая, пушусь в скитания вместе с ними...

Видя, что Мухаммед все еще колеблется, Туркан-Хатун повернула голову. За ее плечами стоял молодой управляющий ее поместьями Мухаммед бен-Салих, бывший гулям (старший слуга), возвеличенный ею за изнеженную красоту. Он понял жест маленькой ручки, вышел из комнаты и сейчас же вернулся, ведя за руку семилетнего мальчика, одетого в парчовый халатик.

— Вот ваш новый наследник престола, — воскликнула властным, резким голосом Туркан-Хатун. — Объявляю кипчакским ханам, бе-

кам, воинам и простому народу, что хорезм-шах согласен видеть в нем опору трона.

Все ханы вскочили, подхватили мальчика на руки и несколько раз подняли вверх, передавая друг другу.

— Да живет, да здравствует наш единокровный кипчакский султан!

Мухаммед встал, принял на руки сына и посадил его рядом с его бабушкой Туркан-Хатун.

— Слушайте, беки, — сказал Мухаммед. — Как вы видите, я исполнил ваше желание. Теперь вы исполните мою волю. Мой старый враг, Насир, халиф багдадский, опять начал устраивать заговоры против меня и подстрекать к восстаниям подвластные мне народы. До тех пор не будет спокойствия в Хорезме, пока злодей Насир не будет свергнут. Тогда халифом станет нами назначенный и преданный нам священнослужитель. Поэтому я не останавливаюсь до тех пор, пока не разгромяю войска халифа и не воткну острие моего копья в священную землю Багдада.

Старший из кипчаков, подслеповатый высохший старичок с узкой седой бородкой, сказал:

— Мы все, как один, направим наших коней туда, куда укажет твоя могучая рука. Но нам нужно сперва успокоить наши кочевья, помочь испуганным родичам. Из Кипчакской степи прискакали гонцы. Говорят, будто с востока на наши земли нахлынули неведомые люди, дикие язычники, не слыжавшие о святой вере ислама. Они явились со стадами, верблюдами и повозками. Они заняли наши пастбища, прогоняют с места наши кочевья. Надо поспешить в нашу степь, перебить этих язычников, забрать их стада, а женщин и детей раздать в рабство нашим воинам.

— Веди войско в наши степи! — закричали ханы.

Писец-мирза с калямом в руке подошел к хорезм-шаху и опустил перед ним на колени, протягивая исписанный лист бумаги.

— Что это такое? — спросил Мухаммед.

— Высочайший указ о передаче наследования любимейшему твоему младшему сыну Кутб ад-Дину Озлаг-шаху. Временно, до совершеннолетия его, правительницей Хорезма и опекуницей молодого наследника будет его бабушка, твоя мать, шахиня Туркан-Хатун. А воспитателем наследника и великим визирем Хорезма назначается управляющий усадьбами царицы доблестный Мухаммед бен-Салих.

— А ты, мой великий сын, непобедимый хорезм-шах Мухаммед, пока мы будем управлять, сможешь ходить с войском по всей вселенной и воевать, с кем захочешь, — сказала Туркан-Хатун.

Мухаммед подписал указ, не читая, и передал тростниковое перо своей матери. Она взяла калям и крупными буквами старательно написала: «*ТУРКАН-ХАТУН ВЛАДЫЧИЦА ВСЕЛЕННОЇ, ЦАРИЦА ВСЕХ ЖЕНЩИН МІРА*».

Шах Мухаммед оглянулся, отыскивая своего старшего сына Джелаль эд-Дина. Он боялся встретиться с ним взорами. Но его не было. Векиль прошептал на ухо хорезм-шаху:

— Хан Джелаль эд-Дин, увидев столько кипчакских воинов, сказал: «Я не баран, чтобы идти на кипчакскую бойню», — и, свернув в сторону, умчался, как ветер.

Глава 7

ПЛЕННИЦА ГАРЕМА

На плечах векиля лежала трудная забота о «хорошем расположении духа» трехсот жен хорезм-шаха. В его обязанности входило также следить за их поведением и, в случае тревожных признаков легкомыслия, докладывать об этом самому владыке Хорезма.

Получив от шаха Мухаммеда приказ выяснить думы, вздохи и слезы девушки, привезенной из туркменской степи, векиль призвал гадалку Илан-Торч («Чешуя змеи»), опытную в распутывании хитро-сплетений женского лукавства. Она же была и ворожея, и знахарка, и рассказчица веселых и страшных сказок.

Выслушав туманную речь векиля, «Чешуя змеи» поняла, что его беспокоят три вопроса: нет ли в степи лихого джигита, о котором вздыхает молодая Гюль-Джамал, ведет ли она тайные переговоры с вольнолюбивыми туркменами, и был ли у нее кинжал в ту ночь, которую она провела у шаха.

— Все поняла, — сказала «Чешуя змеи», подставляя ладони.

Векиль насыпал ей несколько монет.

— Но среди монет я не вижу ни одной золотой?

— Принеси важные новости, получишь золотую...

Старая ворожея, худая и смуглая, с большими серебряными кольцами в ушах, вошла в калитку двора новой жемчужины гарема и остановилась. Прищуренными черными глазами она окинула небольшой дворик, окруженный высокими стенами. Как обычно во дворах других шахинь, с одной стороны тянулась одноэтажная длинная постройка без окон с террасой, на которую выходило пять раскрытых створчатых дверей. Посреди двора протекал ручеек и впадал в круглый бассейн. По сторонам пышно цвели две куртины роз. В глубине, у стены, под высоким развесистым тополем одиноко стояла нарядная туркмен-

ская юрта, обтянутая белыми войлоками и перевитая цветными волосяными веревками.

Оправляя полосатый плащ, Илан-Торч направилась к бассейну. Небольшая, очень смуглая девушка с продолговатыми черными глазами сидела на каменной ступеньке. Она брала из голубой кашгарской чашечки крупинки вареного риса и бросала их крошечным серебряным карасям. Илан-Торч упала на каменные плиты и, целуя край малиновой рубашки девушки, начала низким певучим голосом:

— Салям тебе, ненаглядная «Улыбка цветка»! Дай поцеловать твои святящиеся руки, коснуться твоей тени!

Ворожея уселась около девушки. Слова нежности, восхищения и лести неслись непрерывным, привычным потоком, а сама она думала: «За что падишах полюбил ее? Она маленькая, смуглая, как абрикос, нет в ней пышности и дородства других красавиц шахского гарема! Поистине причуды наших владык безграничны!»

— Что говорят сейчас в степи? — прервала ее Гюль-Джамал.

— Недавно один степной хан прислал за мной верблюда, чтобы я вылечила его от тоски по любимой девушке. Все там тебя вспоминают, все называют счастливицей. «Хорезм-шах, — говорят, — больше всех жен любит нашу туркменскую красавицу, надел на все ее пальцы перстни с камнями, из которых летят голубые искры, поставил белую юрту с персидскими коврами и каждый день присылает ей из своей кухни жареных фазанов и уток, начиненных фисташками...»

— Я только называюсь женой падишаха, но я триста первая жена! Я бы лучше хотела быть женой простого джигита. В степи мне завидуют, а я тоскую по ветру, который пронесит по Каракумам запах польни и вереска. Здесь же болит голова от постоянного чада шахской кухни. Зачем мне белая юрта, если я ничего не вижу, кроме этой серой стены, сторожевой башни с часовым и старого тополя? Один раз я хотела взлезть на вершину дерева, чтобы увидеть голубую даль степей, но евнухи стащили меня. Потом они срезали даже веревки от качелей. Скажи, разве это счастье?

— О, если бы у меня была сотая доля того, что есть у тебя, я бы стала счастливой. Но мне никто не даст утки с фисташками!

— Девушки, — крикнула Гюль-Джамал, — приготовьте достархан. А ты, женщина, погадай мне.

Две рабыни побежали к белой юрте. Подошла старая туркменка с красной повязкой на голове, обшитой серебряными монетами, и опустилась на землю. Пристальным взглядом она следила за ворожейей.

«Чешуя змеи» разостлала на каменной плите шафрановый платок и выбросила из красного мешочка горсти белых и черных бобов. Тонкой костяной палочкой она проводила круги по рассыпанным бо-

бам и говорила непонятные слова на языке кочевого племени люти¹. Расширяя горящие черные глаза и поводя голубыми белками, она начала объяснять хриплым шепотом:

— Вот что говорят бобы, как меня старые люди учили. Есть в степи джигит, хотя и молодой, а большой батыр. Тигра встретит — не боится, стрелу в него пустит. Десять разбойников встретит — первый на них бросается и всех рубит. Этот джигит по тебе мучается, не спит ночи, все слушает любовные песни певца-бахши и смотрит на небо... «Ее глаза, — говорит, — как эти звезды». Я вижу, что ты вздыхаешь. Разве я верно говорю?

Гюль-Джамал вздрогнула. Зазвенели золотые и серебряные монеты, нашитые на рубашке. Она взяла одну монету и хотела ее оторвать, но монета не поддавалась.

— Энэ-джан, принеси ножницы!

Илан-Торч прошептала вкрадчиво:

— А где твой маленький ножик с белой ручкой? Как степная девушка, ты всегда его носила за поясом.

Тень тревоги скользнула по лицу Гюль-Джамал. Старая туркменка степенно встала и принесла из юрты большие ножницы для стрижки ниток при тканье ковра. Гюль-Джамал срезала с рубашки тоненькую золотую монету и сжала ее в смуглой руке.

— Ты сейчас сочинила сказку про скучающего джигита. Почему ты не говоришь его имени?

— Бобы мне не говорят этого. Только сердце твое подскажет имя безумно любящего.

— Кипчаки меня насильно увезли сюда, в гарем падишаха, когда в степи много джигитов спорили из-за меня. Но разве нас, девушек, спрашивают старики, к кому влечет наше сердце?

— Эта пестрая сорока все спутала, — сердито прервала старая туркменка. — У жены падишаха может быть на сердце только одно имя — нашего властелина, Мухаммеда хорезм-шаха, прекрасного, как Рустем², и храброго, как Искендер. И каждая женщина во дворце живет только для него и только о нем думает. Не слушай эту лукавую женщину, Гюль-Джамал!

В калитку вошел толстый евнух в огромной белой чалме и поминал гадалку. Она подбежала к всеильному сторожу гарема и пошептала с ним. Вернувшись, она упала на плиту и, касаясь пальцами края одежды Гюль-Джамал, сказала:

¹ Люти — одно из кочевых племен Афганистана.

² Рустем — герой народного иранского эпоса.

— Прости меня, негодную. Сейчас мать нового наследного принца Озлаг-шаха потребовала меня к себе для гадания. Нет времени посидеть спокойно... — Она еще раз поцеловала полученную золотую монету и, следуя за евнухом, скрылась за калиткой.

Глава 8

«ГОНЕЦ СКОРБИ» МОЖЕТ ПРИНЕСТИ РАДОСТЬ

Хорезм-шах занимался делами государства в одном из самых отдаленных покоев. «И стены имеют уши», — но их не могло быть в этой комнате без окон, затянутой коврами и похожей на колодец, где только наверху, в отверстии потолка, ночью светилась звезда. Здесь шах не боялся беседовать с глазу на глаз с главным палачом или выслушивать от векиля дворца о новых проделках его скучающих многочисленных жен. Здесь шах давал шепотом приказы: тайно удавить неосторожного хана, говорившего на пирушке дерзкие слова про своего повелителя, или отправить всадников с закутанными лицами в усадьбу старого скупого бека, давно не привозившего ему блюда золотых монет. Не раз после тайной беседы шаха в ковровой комнате с высокой башни на рассвете падал с отчаянным криком неизвестный и разбивался о камни. Не раз при тусклом свете полумесяца палачи бросали с лодки в темные воды стремительного Джейхуна извивающихся в мешках людей, неугодных шаху. Затем над широким простором реки проносилась песня:

Весной в твоих садах расппевают соловьи,
В цветниках свешиваются алые розы.

А гребцы подхватывали припев:

О, прекрасный Хорезм!

В этот вечер Мухаммед сидел мрачный, неразговорчивый, а векиль дворца докладывал ему, какие лица посетили днем его сына, хана Джелаль эд-Дина:

— Приезжали на прекрасных длинноногих жеребцах три туркмена. Один из них прятал лицо, закрываясь шалью. Заметили, что он молод, строен и глаза его остры, как у ястреба.

— Почему же ты не задержал его?

— Поблизости в роще его ожидал целый отряд, десятка четыре отчаянных туркменских молодцов. Однако на базаре в чайхане Мердана, куда обычно заезжают туркмены, мой человек слушал, как не раз повторяли имя Кара-Кончара...

— Кара-Кончар, гроза караванов!

— Верно, хазрет¹. Но можно ли допустить, чтобы наследный хан...

— Он больше не наследник.

— Устами шаха говорит Аллах! Но все же трудно допустить, чтобы даже простой бек унился до беседы с разбойником караванных дорог...

— Чего не услышишь в наше тревожное время!

— Не находит ли государь, что если бы Джелаль эд-Дин уехал подалее, например, на поклонение гробу пророка в священную Мекку, то прекратились бы его перешептывания с туркменами?

— Я назначил его правителем отдаленной Газны на границе с Индией. Но и там он соберет вокруг себя мятежных ханов и будет их уговаривать идти походом на Китай. А затем Хорезм развалится, как рассеченный ножом арбуз. Нет, пусть Джелаль эд-Дин будет здесь, под моей полой, чтобы я мог всегда его прощупать.

— Мудрое решение!

— Однако слушай ты, векиль, виляющий хвостом! Если я еще раз услышу, что разбойник Кара-Кончар свободно разбегает по Гурганджу, как по своему кочевью, то твоя голова с потухшими глазами будет посажена на кол перед дворцом Джелаль эд-Дина...

— Да сохранит нас Аллах от этого! — бормотал векиль, пятясь к двери.

Вошел старый евнух.

— Согласно приказанию величайшего, хатун Гюль-Джамал при-была в твои покои и ожидает твоих повелений.

Шах как бы нехотя поднялся.

— Ты ее приведешь сюда, в ковровую комнату...

Шах вышел в коридор, нагнувшись, шагнул в узкую дверь и стал подыматься по винтовой лестнице. В маленькой каморке он припал к деревянной узорчатой решетке узкого окна и стал наблюдать, что произойдет в ковровой комнате.

Старый безбородый евнух с согнутой спиной и широкими бедрами, затянутыми кашмирской шалью, отпер украшенную резьбою дверь. В руке он держал серебряный подсвечник с четырьмя оплывшими свечами.

Оглянувшись на маленькую фигурку, окутанную пестрой тканью, он сочувственно вздохнул.

— Ну, пойдём дальше! — пропищал он тонким голосом.

¹ Х а з р е т — государь.

Он откинул тяжелый занавес и поднял высоко подсвечник. Гюль-Джамал проскользнула, изгибаясь, точно ожидая сверху удара, оставила у двери туфли и сделала два шага вперед.

Узкая комната, затянутая красными бухарскими коврами, казалась игрушечной. Потолок уходил высоко в темноту.

Евнух вышел. Повернулся со звоном ключ в двери. Высоко в стене засветилось полукруглое окно с затейливой узорчатой решеткой — там, вероятно, евнух поставил свечу. На противоположной стене темно такое же узорчатое окно. Не подглядывает ли из него кто-либо?

Гюль-Джамал слышала дворцовые сплетни о какой-то ковровой комнате. Женщины гарема рассказывали, будто в ней палач Джихан-Пехлеван душил жен, уличенных в неверности, а хорезм-шах наблюдает через узорчатое окошко наверху в стене. Не в эту ли ковровую комнату она попала?

Гюль-Джамал обошла комнату. На полу лежало несколько небольших ковров, обычно расстилаемых для молитвы. «Вероятно, в такой ковер заворачивают обреченную женщину, когда ее уносят ночью из дворца?»

Набросав в угол цветных шелковых подушек, Гюль-Джамал опустилась на них, настороженная, вздрагивая от каждого шороха.

Вдруг зашевелился ковер, свисающий с двери, и показалась из-под нее звериная голова. В тусклом сумраке круглые глаза мерцали зелеными искрами.

Гюль-Джамал вскочила, прижалась к стене. Желтый в черных пятнах зверь бесшумно вполз в комнату и лег, положив морду на лапы. Длинный хвост, извиваясь, ударял по полу.

«Барс! — подумала Гюль-Джамал. — Охотничий барс-людоед! Но туркменки без борьбы не сдаются!» Опустившись на колени, она схватила за край разостланный ковер. Барс, урча, стал подползать.

— Вай-уляй! Помогите! — закричала Гюль-Джамал и приподняла ковер. Сильный прыжок зверя опрокинул ее.

Она сжалась, прячась под ковром. Барс, ударяя лапами, старался разодрать толстую ткань.

— Помощи! Последний мой день пришел! — кричала Гюль-Джамал. Она слышала сильный стук в дверь и спорившие голоса. Крики людей и рычание зверя усилились... Потом шум затих... Кто-то откинул ковер...

Длинный худой джигит в черной бараньей шапке, с разодранной от виска до подбородка щекой, стоял около девушки, вытирая о край ковра меч-кончар. Старый евнух, вцепившись в рукав джигита, старался оттащить его.

— Как ты смел войти сюда, в запретные покои? Что ты наделал, несчастный? Как ты смел зарубить любимого барса падишаха? Повелитель посадит тебя на кол!

— Отстань, безбородый! Или я тебе тоже отсеку голову.

Гюль-Джамал приподнялась, но снова бессильно упала на подушки. Барс лежал посреди комнаты и как будто держал лапами свою отрубленную голову. Тело его еще вздрагивало.

— Ты жива, хатун?

— А ты сильно ранен, смелый джигит? Кровь течет по твоему лицу.

— Э, пусто! Шрам поперек лица — украшение воина.

В комнату вбежал начальник охраны Тимур-Мелик.

В дверях толпились несколько воинов.

— Кто ты? Как ты попал во дворец? Как ты смел побить часовых? Отдай оружие!

Джигит не торопясь вложил меч в ножны и спокойно ответил:

— А кто ты? Не начальник ли стражи Тимур-Мелик? Салям тебе! Мне нужно видеть хорезм-шаха по крайне важному для него делу. Плохие вести из Самарканда.

— Кто этот дерзкий человек? — прогремел властный голос. В ковровую комнату вступил широкими шагами хорезм-шах, положив ладонь на рукоять кинжала.

— Салям тебе, великий шах! — сказал джигит, сложив руки на груди и слегка склоняясь. Затем он резко выпрямился. — Ты здесь занят шутками и пугаешь степными кошками слабых женщин, а во вселенной происходят важные дела. На караванном пути я встретил гонца из Самарканда. Он загнал коня и бежал дальше пешком, пока не свалился. Он, как безумный, твердил: «В Самарканде восстание. Всех кипчаков убивают и развешивают по деревьям, как бараньи туши в мясных лавках». Во главе восставших твой зять, султан Осман, правитель Самарканда. Он хотел зарезать и твою дочь, но она с сотней отчаянных джигитов заперлась в крепости и отбивается день и ночь. Вот письмо от твоей дочери...

Хорезм-шах вырвал из рук джигита красный сверток и вскрыл его концом кинжала.

— Я им покажу восстание! — бормотал он, стараясь в тусклом свете прочесть письмо. — Самарканд всегда был гнездом бунтовщиков. Слушай, Тимур-Мелик! Немедленно созвать кипчакские отряды! Я выступаю в Самарканд. Там не хватит тополой и веревок, чтобы перевешать всех, кто осмелился поднять руку на тень Аллаха на земле... Эту женщину отнести в ее белую юрту и позвать к ней лекаря... Джигит, как звать тебя?

— Э, что спрашивать! Так, один маленький джигит в великой пустыне!

— Ты мне принес «черную весть», а по древнему обычаю я должен «гонца скорби» предать смерти. Но помимо этого ты зарубил моего любимого барса. Какую казнь тебе назначить — не знаю...

— Я это знаю, государь! — воскликнул Тимур-Мелик. — Позволь мне сказать.

— Говори, храбрый Тимур-Мелик, и объяви это от моего имени дерзкому джигиту.

— В военных делах упустить день и даже час — значит упустить победу. Джигит выказал великое усердие и привез важное и хорошее для твоего величества письмо. В нем говорится, что твоя дочь жива и храбро отбивает нападения врагов, точно она сама воин. Ты, мой великий падишах, теперь помчишься в Самарканд и еще успеешь спасти твою храбрую дочь от гибели. За такую услугу шах прощает джигиту девять раз девять его преступлений. А взамен убитого барса хорезм-шах получает другого, еще более яростного барса — вот этого самого отчаянного джигита, и назначает его сотником ста всадников-туркмен, которых джигит приведет с собой. Они вступят в твой отряд личной охраны...

Хорезм-шах стоял изумленный и накручивал на палец с алмазным перстнем завиток своей черной бороды.

— Сокол с пути не сворачивает, хорезм-шах двух разных слов не говорит, — с достоинством сказал джигит. — Куда прикажешь отнести туркменскую девушку?

Джигит наклонился и бережно поднял лежавшую Гюль-Джамал. На пороге он на мгновение остановился и, высокий, худой и хмурый, сказал, обращаясь к хорезм-шаху, точно равный к равному:

— Салям тебе от Кара-Кончара, грозы твоих караванов! — И гордый пошел дальше.

Шах смотрел на Тимур-Мелика и не знал, гневаться на него или благодарить. Тимур-Мелик громко смеялся.

— Какой, однако, лихой удалец! А ты, государь, еще говорил, что на туркмен нельзя положиться. Да с войском таких джигитов ты покоришь вселенную.

...Прошло несколько дней. Когда в ночном мраке тонкий серп полумесяца повис над минаретом, несколько бесшумных теней проскользнуло мимо дворца в переулок и остановилось в том месте, где свешивались над стеной ветви старого тополя.

Волосяная лестница с крюком была закинута на гребень стены. Одна тень взобралась наверх. Над белой юртой вился дымок, щели светились. На крик совы из юрты вышла закутанная женщина.

В темноте слышались слова:

— Все туркмены — братья! Саям! Здорова ли хатун Гюль-Джамал?

— Я — служанка ее. Горе нам! Хорезм-шах уже три дня как уехал с войсками умирять восставший Самарканд. За дворцом теперь следит острый глаз свирепой старухи, ханши-матери Туркан-Хатун. Она приказала перевести нашу «Улыбку цветка» в каменную башню дворца и удвоила стражу. Она сказала, что Гюль-Джамал останется в башне до смерти.

— Ты проберись к ней. Вот золотой динар для евнуха, а вот еще два для стражи. Передай хатун Гюль-Джамал: пусть она скажет ханше-матери, что хочет произнести молитвы у могилы святого шейха, что находится за городом на большой дороге. Туркан-Хатун не посмеет ей отказать в молитвах, а когда она выедет из города — там Кара-Кончар сделает что надо.

Тень снова взобралась на гребень стены и скрылась во мраке.

Служанка шептала:

— Нет в мире злобнее и хитрее Туркан-Хатун! Если она захочет кого-нибудь сжить со света — кто может бороться с ней?

Глава 9

В САДУ ОПАЛЬНОГО НАСЛЕДНИКА

Вот конь, и вот мое оружие!
Они заменят мне пир в саду.

Ибрагим Монтесер, X в.

Тимур-Мелик был опытный воин, видевший немало сражений. Он не боялся опасности. Не раз сабля врага взвивалась над ним, копье пробивало его щит, стрелы впивались в кольчугу; барс терзал его, наступал тигр, смерть реяла над ним, застилая глаза черным облаком. Что еще может испугать его? Поэтому, не боясь гнева хорезм-шаха, Тимур-Мелик отправился в загородный сад Тиллялы, чтобы посетить его владельца, опального сына хорезм-шаха Джелаль эд-Дина.

Он застал молодого хана в глубине густого сада. Джелаль эд-Дин в раздумье одиноко сидел на ковре. Он легко поднялся и пошел на встречу гостю.

— Салам тебе, храбрый Тимур-Мелик! Я пригласил к себе нескольких друзей, но большинство уже прислали свои «огорчения», сообщив, что по болезни приехать не могут. Только три кочевника из степи да ты, Тимур-Мелик, не побоялись посетить опального владельца далекой Газны, которую мне, конечно, никогда не придется увидеть.

— Воля шаха священна, — сказал Тимур-Мелик, опускаясь на ковер.

— Разве я виноват, — продолжал задумчиво Джелаль эд-Дин, — что я родился от туркменки, а все кипчаки хотят иметь наследником кипчака? Пусть будет кипчак, но пусть мне отец позволит уехать простым джигитом на границу, где постоянные стычки. Я люблю горячего коня, светлую саблю да степной ветер и не хочу валяться на ковре, слушая песни и сказки стариков.

— Но ведь война у нас кругом, — сказал Тимур-Мелик. — Кипчакские беки просят хорезм-шаха двинуться с войском в их степи. Туда пришел с востока неведомый народ, он отбирает нашу землю, сгоняет кипчакский скот с хороших пастбищ...

— Лучше бы отец выгнал из Хорезма всех кипчаков и стал править без них, — заметил Джелаль эд-Дин. — Кипчаки изнежились и развратились. В тяжелую минуту кипчаки предадут моего отца.

— Почему ты так думаешь? — спросил Тимур-Мелик.

— Когда шах не доверяет народу Хорезма и отдает защиту власти и порядка иноземцам-кипчакам, то он похож на того хозяина, который поручает сторожить и стричь своих баранов степным волкам. У него скоро не окажется ни шерсти, ни баранов, да и сам он попадет на обед к волкам.

Джелаль эд-Дин взглянул на стоявшего в стороне гуляма и повел бровью. Тот подошел и наклонился.

— У нас приготовлен большой достархан на много гостей, а их нет. Поставь заставу на дороге и спрашивай всех, кто проедет мимо. Среди них найди таких людей, которые развеселили бы мою душу, и приведи их сюда да поставь передо мною моих любимых жеребцов: если приглашенные гости не приехали, то я буду угощать моих коней и нищих с дороги...

— Ты меня звал, и я здесь! — раздался спокойный голос. Из кустов сада вышел высокий, тонкий туркмен в большой овчинной шапке. Он поклонился, сложив руки на груди.

— Я рад тебя видеть, барс пустыни Кара-Кончар. Проходи и садись с нами.

Али-Джан, десятник из крепостцы на восточной границе Хорезма, мчался с пятью джигитами по большому караванному пути. Он делал самые короткие остановки, только чтобы покормить лошадей. Али-Джан боялся, что не довезет до Гурганджа своего необыкновенного пленника.

Встречные путники останавливались, спрашивали, какого опасно-го разбойника схватили. Всадники скакали рядом, заглядывая в лицо связанному. Но Али-Джан бил плетью тех, кто приближался, и любопытные отлетали.

Уже проехали вброд два канала, перебрались по шаткому мосту из жердей и сучьев. Уже вдали среди тополей мелькнули голубые изразцы мечетей и минаретов Гурганджа. На перекрестке Али-Джану загородили дорогу шесть всадников в малиновых кафтанах на вороных конях с белой сбруей.

— Стойте, джигиты!

— Прочь с дороги! — крикнул Али-Джан. — Именем хранителя веры, не задерживайте едущих в диван-арз¹ по важному делу.

— Вот вас-то нам и нужно. Сын хорезм-шаха Джелаль эд-Дин приказывает вам свернуть с дороги и сейчас же явиться к нему в сад.

— Мы должны ехать, нигде не задерживаясь, прямо в Гургандж к нашему начальнику Тимур-Мелику...

Но всадники крепко держали повод коня Али-Джана.

— Сам Тимур-Мелик сейчас здесь, в саду, сидит рядом с беком, и оба слушают старинные песни. Сворачивай! Тебе говорят! Зачем дерешься? Твой пленник не сдохнет, а Джелаль эд-Дин подарит тебе баранью шубу, накормит пловом и даст горсть серебряных дирхемов. Какой плов! Такого плова нигде ты больше не попробуешь!

Али-Джан почуял приятный запах бараньего сала и крикнул джигитам:

— Остановитесь! Сворачивайте в эту усадьбу. Здесь мы испытаем блаженство!

Джигиты с привязанным пленным свернули с дороги, миновали урюмых часовых у высоких ворот и въехали в первый двор. В сизых утренних сумерках шесть очагов, расположенных в ряд, пылали высокими багровыми огнями. Возле них ходили женщины в малиновых одеждах. В красном свете костров они казались огненными.

Всадники соскочили с коней и привязали их к столбам. Пленник мотался в седле. Его конь перебирал ногами, мотал головой и тянулся к другим лошадям, которым джигиты набросали охапки сена. Женщины сбежались, обступили пленного, дивясь его необычайному виду.

¹ Д и в а н - а р з — государственная канцелярия.

Он был привязан волосяными веревками к коню. Синяя длинная одежда с красными полосками, нашитыми на рукаве, и плоская войлочная шапка с загнутыми сверху полями говорили о каком-то чужом племени. От висков, как два рога буйвола, спустились на плечи свернутые узлом две черные косы. Дикими казались скошенные глаза, неподвижно уставившиеся в одну точку. В толпе шептались:

— Да это мертвец!

— Нет, еще дышит. Все язычники живучи.

— Следуй за мной! — сказал Али-Джану слуга. — Тащи с собой и этого урода.

Али-Джан отвязал коня с пленным и осторожно повел его по дорожке через тенистый сад, где молодые персиковые деревья чередовались с темно-зеленой непроницаемой листвой высоких карагачей.

Канавка с быстро струившейся водой виляла вокруг небольшой беседки. Перед ней в ряд стояли двенадцать жеребцов — шесть вороных и шесть золотисто-рыжих, с лоснящейся шелковистой шерстью, с расчесанными гривами, с заплетенными в них малиновыми лентами. Каждый жеребец был привязан цепью к низкому столбу. Два джигита с медными подносами обходили жеребцов и кормили их из рук ломтиками дыни.

Али-Джан был так поражен красотой коней, их огненными глазами и лебедиными шеями, что не сразу заметил группу людей, сидевших под огромным старым карагачем.

Площадка, покрытая персидским ковром, была уставлена серебряными блюдами и стеклянными иракскими вазами. На них пестрели разноцветными красками сахарные печенья¹, конфеты, свежие и сушеные фрукты и другие сладости. Несколько человек расположились полукругом. Отдельно сидел смуглый юноша в индийской чалме и черном чекмене: к нему все обращались почтительно, как к хозяину. Около площадки старались изо всех сил несколько музыкантов: одни водили смычками, другие играли на дудках, двое выбивали глухую дробь на бубнах, наполняя сад причудливыми звуками одурманивающей музыки.

— Гелюбсен, гелюбсен!² — сказал смуглый юноша и стремительно вскочил. За ним, почтительно сложив руки на груди, поднялись и все сидевшие. Юноша подошел к неподвижному пленному. Али-Джан понял, что это сын шаха Джелаль эд-Дин.

¹ В то время сахар, изготовлявшийся из сахарного тростника (индийского или египетского), являлся роскошью и представлял большую ценность.

² Подойди, подойди!

— Ты поймал его? Где ты его нашел?

— Я его встретил в степи около Отрара. Ну и крепкий, ну и жилистый, едва скрутил!

— Кто он? Из какого племени? Что он говорил?

— Не хотел отвечать. Молчит.

— Однако жизнь убегает с его лица. Он умирает?

— Не знаю, светлейший хан. Я мчался изо всех сил, чтобы живым доставить его перед очи хорезм-шаха.

— Ты уморил его скачкой. Надо его заставить говорить.

Джелаль эд-Дин похлопал в ладоши. Появился слуга.

— Позови лекаря Забана; пусть придет со всеми своими склянками и лекарствами. Скажи — человек умирает.

— Сейчас, мой хан!

Пленник начал оживать. Его глаза расширились, из раскрывшегося рта вырывались глухие звуки, и он закричал, пытаясь вырваться из веревок.

— Что он кричит? — спросил Джелаль эд-Дин.

Али-Джан объяснил:

— Он видит твоих коней и восторгается: «Хорошие кони! Красивые кони! Но здесь они не останутся. Все они попадут в табуны Чингисхана непобедимого. Он один будет ездить на твоих конях!»

— Почему ты понимаешь слова этого язычника?

— Я ходил раньше с караванами в Китай, посещал татарские кочевья. Там я научился говорить на их языке.

— А кто такой Чингисхан непобедимый? Почему он непобедимый? Как этот язычник смеет так дерзко говорить? — сердился Тимур-Мелик. — Только хорезм-шах Мухаммед — непобедимый повелитель всех народов. Зарублю этого пленника, если он будет так говорить.

— Пускай себе говорит что хочет, — прервал Джелаль эд-Дин, — а мы от него выпытаем все, что нам нужно знать об этом непобедимом вожде татар¹.

Из-за кустов сада послышался тонкий голос. Кто-то быстро приближался, выкрикивая скороговоркой слова:

— Да украсит Аллах всех мусульман такими доблестями, какие имеются у сына повелителя правоверных пресветлейшего и храбрейшего Джелаль эд-Дина, обладателя светлого меча и прекраснейших

¹ Первоначально кочевники Монголии называли себя татарами — там-там, когда же воцарился Чингисхан, происходивший из небольшого племени мон-гол, он приказал все подвластные ему племена называть монголами.

в мире коней! И да обрушится его меч карающим громом на головы всех врагов ислама!..

Маленький человек с длинной бородой, в огромной чалме быстро шел по дорожке сада. В руках он держал кожаную сумку и большую глиняную бутылку. Разные медные приборы, ножички и склянки, привешенные на поясе, звенели при каждом его движении. Подойдя к Джелалю эд-Дину, он поклонился до земли.

— Твоя милость вырвала меня из пасти несчастий. Твои обильные щедроты привели меня к твоим дверям. Мне сейчас сказали, что я должен спасти умирающего...

Поток красноречия лекаря был прерван одним жестом руки Джелала эд-Дина.

— Лекарь Забан! Пусть твой голос отдохнет, а ты посмотри на этого больного и излей на него всю премудрость твоих знаний и все лекарства твоих склянок. Постарайся, чтобы он ожил.

— Я твой слуга, я твой раб. Что от моего хана слышу, то исполню!..

Маленький лекарь стал распоряжаться. Слуги развязали пленного и сняли с коня. Он едва стоял, раскорячив ноги, застыв в том положении, как находился в седле. Брезгливо дотрагиваясь до чужеземца и шепча молитвы, слуги, по указаниям лекаря, сняли с пленного одежду и положили его на разостланный войлок. Он лежал покорно, в забытии, с закатившимися глазами.

Лекарь, говоря заклинания, стал поливать грудь больного прозрачным маслом и соскребывать костяной ложкой червей, как рисовые зерна, усыпавших засохшие раны.

— Уже завелись черви... Но в священной книге сказано: «Сколько Аллах создал болезней, столько премудрый создал и лекарств, чтобы излечивать эти болезни».

Когда из ран потекла кровь, лекарь положил на них промасленную вату и приказал обернуть все тело тряпками.

— О светлейший хан! О мой повелитель! — сказал он, обращаясь к Джелалю эд-Дину. — Я арабский ученейший врач — «кадаах», специалист по глазным болезням¹ и удалению бельма, изучивший книги румийца Гипократа, выправляющий вывихи, отгоняющий смерть. Я твой раб и слуга и завишу от твоей милости. Прикажи подать кувшин старого вина, чтобы я мог приготовить самое оживляющее ле-

¹ Медицина у арабских ученых в то время стояла очень высоко. «В течение всех Средних веков европейские медики не издали ни одного трактата по офтальмологии (изучение глаза), равного арабским. Только в начале XVIII века мы замечаем прогресс, начинающий опережать арабские произведения» (академик И.Ю. Крачковский).

карство. После моего лечения больной заговорит и будет говорить день или два, а потом умрет или выздоровеет, как на то будет воля Аллаха...

Получив вино и смешав его с разноцветными порошками, лекарь то сам шил снадобье, то поил им больного, который очнулся и стал говорить.

С лихорадочно разгоревшимся лицом пленный сначала пел и выкрикивал непонятные слова, потом стал говорить плавно, размеренной речью, точно произносил стихи. Али-Джан внимательно прислушивался и переводил.

— Прекрасная, радостная моя родина, и нет ее лучше, — говорил пленник, устремив горящие глаза вдаль. — Тридцать три песчаных равнины раскинулись от края и до края между розовыми хребтами. Прославленный в скачках конь не сможет проскакать вокруг них. В высокой тучной траве с ревом идут дикие звери, проносятся антилопы семидесяти мастей, поют звонкоголосые птицы. В бирюзовом небе пролетают белые лебеди и гуси... Всем есть место в степях моей родины, нет только места моему бедному кочевью. Сильные племена с их жадными ханами отобрали у нас зеленые пастбища, где теперь бродят чужие табуны жирных коней и стада быков и овец... А для моего бедного, слабого кочевья остались только щербистые гоби и скалистые ущелья. Там стада зачахли, поредели, кони исхудали и шатаются от слабости. Во всем виноваты надменные ханы и их главный каган жадный Чингисхан, краснобородый, непобедимый, уводящий народ монголов в другие страны для грабежа вселенной...

— Какого Чингисхана он вспоминает? — сказал Джелаль эд-Дин.

Али-Джан перевел вопрос. Пленный воскликнул:

— Кто не знает Темучина Чингисхана! Я ушел от него. Он не прощает тем, кто осмеливается стоять перед ним, не согнув рабски спину! Он мстит непокорным, он преследует тех, кто когда-либо боролся с ним, и вырезывает весь род его до последнего младенца.

— Кто же ты? Почему ты так смело говоришь против Чингисхана?

— Я вольный мерген¹ Гуркан-багатур. Я сам себе хан, сам себе нукер-дружинник², и я бросил войско Чингисхана, потому что этот кислослицый старик приказал переломить хребты моему отцу и брату, потому что краснобородый каган забирает самых прекрасных девушек и делает их своими рабынями, потому что он не терпит на всей земле никакой другой воли, кроме его каганской воли. Я уеду до кон-

¹ Мерген — охотник.

² Нукер — воин из личной дружины хана.

ца вселенной, где живут одни звери и такие же свободные охотники, как я, и буду жить там, в пустыне, куда не доберутся нукеры злобного Чингисхана.

— Где же теперь Чингисхан? Что он готовит? — спросил Джелаль эд-Дин.

— Теперь царство Чингисхана похоже на озеро, переполненное водой, которое едва сдерживается плотиной. Чингисхан стоит наготове, а все его воины отточили мечи и ждут только приказа обрушиться на западные страны. Они примчатся сюда разграбить ваши земли.

— Мы оставим этого молодца жить здесь, с нами, — сказал Тимур-Мелик. — Он женится на туркменке, поставит свою юрту в кочевье бесстрашного Кара-Кончара и будет свободным мергеном-охотником бродить по Каракумам.

— Но кто такой Чингисхан? — спросил Джелаль эд-Дин. — Меня беспокоят эти речи. Надо все разузнать о нем.

— Прости меня, светлейший хан, — сказал, вставая, Тимур-Мелик. — Я должен поехать в диван-арз вместе с этим пленным. Я все выпытаю у него об этом наглеце Чингисхане.

— Прости и меня, светлейший хозяин, — сказал Али-Джан. — Мои джигиты насытились твоим сладким достарханом, а кони получили обильный корм. Теперь душа наша радуется, испытав блаженство. Разреши и нам тронуться дальше и отвезти этого окаянного язычника в Гургандж, в крепость.

— Хош! (Ладно!) — ответил Джелаль эд-Дин. — Гулям, выдай джигиту новую баранью шубу.

Али-Джан низко поклонился и сказал:

— Птице — полет, гостям — салям, хозяину — почет, а джигиту — дорога!

Часть III

БИТВА ПРИ РЕКЕ ИРГИЗЕ

Глава 1

ПОХОД В КИПЧАКСКУЮ СТЕПЬ

Афрасиаб воскликнул: «Я иду в поход!
Покрасьте хенной¹ хвост моего коня!»

Из древней персидской песни

Хорезм-шах Мухаммед примчался из Гурганджа в Самарканд, полный ярости. Он решил беспощадно отомстить своему зятю Осману и жителям, которые осмелились поднять меч против своего шаха.

Мухаммед осадил город, объявив, что за неповиновение вырежет всех до последнего младенца и перебьет даже иностранцев. Долго бились самаркандцы, загородив бревнами узкие улицы, наконец хан Осман явился к хорезм-шаху с просьбой о помиловании города. Осман предстал перед Мухаммедом, держа в руках меч и кусок белой ткани для савана, выражая этим полную покорность и готовность быть казненным этим мечом.

Хорезм-шах смягчился при виде зятя Османа, упавшего перед ним лицом на землю, и согласился простить его. Когда город сдался, к шаху вернулась его дочь Хан-Султан, которая храбро защищалась в крепости, осажденной мятежниками. Она не захотела простить мужа и потребовала его смерти. Ночью Осман был казнен. Перебили также и всех его родственников вместе с детьми, так что прекратился древний род Караханидов², правителей Самарканда.

¹ Х е н н а — красная краска, которой на Востоке красили ладони, седеющие бороды, а в походе хвост коня.

² К а р а х а н и д ы — тюркская династия, воцарившаяся в Самарканде в X веке, когда в Среднюю Азию вторглись тюркские племена и овладели возделанными землями между Сырдарьей и Амударьей. Эпоха владычества династии Караханидов была для Мавераннахра эпохой культурного регресса и ханских притеснений, в результате которых народные волнения вспыхивали неоднократно (*академик В. Бартольд*).

Кипчакские ханы, прибывшие вместе с хорезм-шахом, свирепо расправлялись с населением Самарканда. Они уничтожили более десяти тысяч жителей и хотели продолжать резню и грабеж города, но вмешалась хотя и жестокая, но осторожная шахиня-мать Туркан-Хатун и уговорила кипчакских ханов прекратить бойню.

После этого Самарканд сделался столицей хорезм-шаха. Он приступил к постройке большого дворца.

Кипчакские ханы потребовали от хорезм-шаха, чтобы он повел свое войско в их степи разгромить прибывшее из восточных пустынь татарское племя меркитов¹, потеснивших кипчакские кочевья. Шах отговаривался государственными заботами и постройкой дворца. Тогда его мать, Туркан-Хатун, обратилась к нему с той же просьбой.

Как старая орлица на вершине скалы в недоступном гнезде оберегает своих голошених детенышей, впиваясь зорким оком далеко в степь, так и Туркан-Хатун, коварнейшая и осторожнейшая из женщин, оберегала престол шахский от опасных мятежей всегда недовольного населения, от измен и предательства коварных ханов и их тайных покушений. В минуту опасности она направляла из своего мрачного недоступного дворца в Гургандже преданные ей кипчакские отряды, чтобы растерзать всякого, кто осмелился поднять руку на величие ее сына, хорезм-шаха непобедимого. Поэтому мог ли хорезм-шах не внять призыву осторожной матери?

Ранней весной следующего года Мухаммед прибыл в Гургандж и оттуда во главе большого конного войска двинулся в поход. Десять отрядов выступали из города в течение десяти дней. В каждом отряде насчитывалось по шести тысяч всадников. Запасные навьюченные кони везли ячмень, пшено, рис, масло и бурдюки с кумысом.

Хорезм-шах любил блеск войны, гул и грохот боевых барабанов, хриплый вой боевых труб, призывающих в поход. Впереди десятков тысяч всадников скакал широкогрудый гнедой конь, взмахивая выкрашенным в алый цвет хвостом. На коне блистала золотая сбруя, горели самоцветные камни и на ногах звенели серебряные бубенцы. Кто в Хорезме не знал гнедого коня с чернобородым всадником в белоснежном тюрбане, увитом алмазными нитями!

Этот всадник — защита ислама, столп правоверия, гроза язычников — посылал молнии своей воли и гнева самому халифу багдадскому Насиру, потомку пророка. Этот всадник — хорезм-шах Алла эд-Дин Мухаммед, раздвинувший пределы своего царства до тех пустынь, куда не заходил сам Искендер-Руми, непобедимый завоеватель вселенной.

¹ Т а т а р ы — общее название многих кочевых племен тюркского происхождения, покоренных Чингисханом. М е р к и т ы — одно из этих племен.

Войско растянулось на десять дней пути. Каждая колонна в несколько тысяч коней на месте стоянок выпивала всю воду в колодцах. Только через сутки там снова накапливалась вода.

В первом отряде скакали разведчики. Хорезм-шах ехал со вторым отрядом. С ним шли быстроходные верблюды, навьюченные палатками, котлами и обильными запасами царской кухни.

В последнем, десятом, отряде вместе с туркменами, всегда беспокойными и непокорными, ехал опальный сын шаха, Джелаль эд-Дин. Туркмены враждовали с кипчаками, не прощая им их заносчивости и жадности. Туркмены разводили костры широкими кругами и вечерами устраивали вокруг них военные пляски; они извивались хоровами, распевая военные песни и взмахивая над головами кривыми сверкающими саблями.

Путь шел берегом Хорезмского моря. Переправившись через реку Сейхун¹, отряды вышли к узкому заливу Сары-Чаганак. Здесь шах сделал остановку. Он ожидал известий от посланных вперед разведчиков, а тем временем сам с охотничьими соколами проехал вдоль берегов бирюзового моря и вернулся на стоянку со связками подбитых уток и журавлей.

Разведчики донесли, что табуны меркитов были замечены к северу, на низовьях реки Ирғиз, при впадении ее в озеро Челкар. Хорезм-шах подождал, пока подтянулись все отряды, призвал их начальников и на совещании разъяснил план наступления. Все войско пойдет тремя частями. Сам шах будет находиться в средней, которая послужит для последнего, решающего удара. Левым крылом будет начальствовать хан кипчакский Тургай, а правое крыло поведет Джелаль эд-Дин, сын хорезм-шаха, — Мухаммед хотел испытать, как проявит себя в бою непокорный и самоуверенный сын.

На стоянку прискакал гонец из Гурганджа и привез сверток от Туркан-Хатун, матери шаха. Векиль и мирза проследовали за шахом в его палатку. Мухаммед распорол кинжалом сверток. Внутри был мешочек из малинового шелка. Приложив мешочек ко лбу и губам, хорезм-шах вскрыл его. Там было письмо, написанное большими буквами на узком бумажном свитке².

«Величайшему, благословенному защитнику веры и справедливости, Алла эд-Дину Мухаммеду, хорезм-шаху, — да хранит Аллах твое царствование! — салям!

¹ С е й х у н — название реки Сырдарья в XIII веке.

² В это время Самарканд славился выделкой бумаги, которая вывозилась и в другие страны.

Все имамы во всех мечетях ежедневно пять раз возносят молитвы творцу всевышнему, властному над всем, да продлит он твоё царствование и дарует тебе победу над врагами! Да будет так!

На базаре поймали дервиша, подосланного халифом багдадским. Дервиш проповедовал доверчивым простакам, что Аллах покарает нашего любимого шаха за то, что он будто бы перенял от персов их нечестивую веру, и в наказание за это в Хорезм примчится языческий народ яджуджей и маджуджей¹ и разрушит наше царство. Болтливого дервиша схватил начальник палачей Джихан-Пехлеван и после пытки каленым железом повесил его на базарной площади, отрезав ему язык.

Увидев эту казнь, устрашатся тысячи. Остальное все благополучно. Тишина и благоденствие в твоём государстве да продлятся на много лет!

Туркан-Хатун — повелительница женщин всего мира».

Рано утром отряды выступили ускоренным шагом и в два перехода дошли до реки Иргиз.

Степь зеленела свежими весенними побегам. Желтые и лиловые касатики (ирисы) и красные тюльпаны весело рассыпались по пескам равнины, обычно выжженной и мертвой. Солнце то грело ослепительными лучами, то пряталось за дождевые облака.

Река Иргиз была еще покрыта непрочным рыхлым льдом. Вода разливалась поверх льда, темные промоины и полыньи не давали войскам переправиться на другой берег.

Хорезм-шах приказал отрядам переждать, укрывшись в ложбинах за камышами, иначе меркиты могут заметить их и уйти дальше в степные равнины.

Два дня войско отдыхало, не разводя костров. Во вторую ночь на небе появился непонятный свет. Небо, багровое, как раскаленные угли, не захотело окутаться мраком, и звезды не показывались. Казалось, вечерняя заря продолжалась до утренней зари². Шейх-уль-ислам³, сопровождавший войско, объяснил это знамением Аллаха, предсказывающего сияние великой славы, которая ожидает хорезмшаха Мухаммеда.

Когда река освободилась ото льда, разведчики нашли броды и все отряды переправились на другой берег.

Пустынная степь, кое-где покрытая холмами, тянулась безмолвная и загадочная. Руководясь едва заметными тропами, отряды уходили

¹ Я д ж у д ж и и м а д ж у д ж и — название неизвестного народа, часто встречающегося в восточных сказках.

² Об этом атмосферном явлении, похожем на северное сияние, говорят все летописи того времени.

³ Ш е й х - у л ь - и с л а м — глава мусульманского духовенства.

на восток. Они держались более скученно, уже готовясь к скорому бою.

В одной долине, среди каменистых гряд, виднелись черные юрты. Они, видимо, были брошены при поспешном бегстве. Войлок, женские одежды и старые ковры валялись вдоль дороги. Тут же лежал человек с двумя черными косами над ушами и желтым узкоглазым лицом. Его выцветшая, длинная до пят, синяя одежда была иссечена. Дальше валялась двухколесная арба, упавшая набок.

Разведчики, поднявшись на холмы, знаками указывали в сторону. Войско повернулось, разворачиваясь полукругом.

Всадники перешли на рысь и снова сдержали коней. Перед ними расстилалась серая равнина, как будто усеянная темными тряпками. Конь, оседланный, но без всадника, бродил по равнине.

— Поле битвы! — сказали воины. — С помощью Аллаха вечного окончена их жизнь.

— Кто же помог их прикончить? Кто вырвал из наших рук добычу? Где их стада, их кони, верблюды?

Отряды направились через поле, усеянное трупами. Издали тряпками казались тела, изрубленные мечами, пробитые стрелами и копьями. Они лежали и одиночками и десятками. С некоторых была снята одежда и обувь.

Всадники рассыпались по полю, подбирая — кто оброненный меч, кто круглый щит или копьё.

Хорезм-шах ехал по полю задумчивый, накручивая на палец завиток черной бороды. Его приближенные тихо переговаривались.

— Битва здесь шла упорная. Полегло несколько тысяч меркитов. Никому из них не давали пощады, раненых добивали...

Примчался всадник и крикнул:

— Я нашел живого меркита. Он может говорить.

Хорезм-шах пустил коня вскачь. За ним помчалась свита.

Меркит сидел у подножия холма. Возле него на корточках присели кипчаки и расспрашивали его. Голова у меркита была выбрита ото лба до затылка и залита кровью.

Хорезм-шах осадил коня.

— Что он говорит? Какого он племени? Кто их перебил?

Меркит со стоном и плачем стал рассказывать:

— Наш народ был великий народ, а его уже нет! Звался он меркиты. Наш хан был — Тукту-хан... Он бежал вместе с сыном, Холту-ханом, знаменитым охотником: никто вернее и дальше его не пускал стрелы. Оба хана говорили простым воинам: «Бегите вместе с нами от гнева краснобородого Чингисхана; он решил с корнем вырвать племя меркитов... На западе, позади соленых озер, до самого моря протянулись Кипчакские степи, там найдется место и для нас. Мы

увидим много травы, любимой быками, и густые камыши; там стада наши снова станут тучнеть и размножаться. Кипчаки не откажут нам в милости и позволят нам есть с ними из одного котла и пить из одного бурдюка...» Так говорили ханы. Что нам осталось делать? Позади нас была смерть, впереди — приволье и радость. А за нами гнались два злобных пса, уставив носы в наш след. Этих псов натравливал старший сын краснобородого — Джучи-хан, и зовут этих псов: Субудай и Тохучар-нойон... Мы бежали скоро, как могли... Мы хотели, чтобы следы наших коней затерялись в щебнистых гоби и в красных песках. Но кони отощали, копыта их потрескались, и не было больше у них прежней прыти... Как разъяренные, напали монголы на нас. Нам некуда было спастись, когда на нас обрушились двадцать тысяч монгольских всадников. Река Ирғиз разлилась, по ней плыли льдины, кони вязли в набухшей земле... Нет больше великого народа меркитов! Одни пали на этом поле, изрубленные монголами, других угнали в плен... Смеется рыжий Чингисхан, сидя на стопке войлоков в своей желтой юрте! Погибла древняя слава меркитов! Осталась живой только одна изменница из рода меркитов, молодая ханша, красавица Кулан! Чингисхан сделал ее своей последней женой...

Кипчаки стали кричать:

— Веди нас на этих разбойников! Мы с ними расправимся! Они недалеко! Они не могут быстро гнать быков и пленных. Мы отобьем у них добычу...

— Мы скоро их нагоним! — сказал хорезм-шах и приказал трубачам сзывать рассыпавшихся по полю всадников, сдиравших одежду с изрубленных меркитов.

Глава 2

БИТВА С НЕВЕДОМЫМ ПЛЕМЕНЕМ

— Знаешь ли ты, батюшка, что сказал Заль богатырю Рустему: «Врага нельзя считать ничтожным и беспомощным?»

Из древней персидской песни

Войско шло всю ночь. Сделали только две короткие остановки, чтобы подкормить коней.

Под утро степь затянулась туманом. Отдельные отряды потеряли друг друга. Тонкими заунывными голосами, подражая вою волков и шакалов, переключались разведчики.

Свежий ветер погнал разорванные клубы тумана. На золотистой полосе неба у горизонта показались гребни холмов. Под ними мерцали бесчисленные огоньки костров, и все яснее становились группы всадников, верблюдов и груженных телег на огромных высоких колесах.

Это был лагерь неизвестного племени. Там уже заметили приближение войска хорезм-шаха. Вынырнув из тающих клочьев тумана, показались тридцать всадников. Они держались тремя отдельными десятками. Первые косые лучи солнца осветили их синюю длинную одежду, железную броню и железные шлемы. Они сидели на небольших толстоногих и длинногривых конях. Вместе с передним десятком ехал на высоком туркменском жеребце белобородый мусульманин в белом тюрбане и малиновой шубе, расшитой желтыми цветами. Рядом со стариком ехал всадник, держа копьё с белым конским хвостом на конце.

— Салям вам, — крикнул старик, — я тоже мусульманин! Дайте мне поговорить с вашим главным полководцем, да хранит его Аллах!

— У нас в войске много полководцев, а начальствует один, гроза вселенной, меч ислама, хорезм-шах Алла эд-Дин Мухаммед.

Старик сошел с коня. Сложив руки на груди, слегка согнувшись, он подошел к тому месту, где на своем великолепном коне блистал шах Хорезма, окруженный безмолвными нарядными ханами.

— Повелитель монгольского войска, великий нойон¹ Джучи-хан, сын Чингисхана, владыки восточных стран, приказал мне, его переводчику, приветствовать могучего владыку западных стран, Алла эд-Дина Мухаммеда, да продлит Аллах твое царствование на сто двадцать лет! Он говорит тебе: салям!

— Салям! — сказал шах.

— Хан Джучи спрашивает, почему храброе войско шаха направляется по следам монгольского войска, двигаясь так поспешно всю ночь.

Старик ждал ответа. Но шах, поглаживая черную бороду, пристально вглядывался грозным взором в монгольского посла и молчал.

— Хан Джучи приказал еще сказать, что его отец, непобедимый владыка Чингисхан, повелел своим полководцам Субудаю и Точухару наказать мятежных меркитов, убежавших от воли ханской. Истребив их, монгольские войска уйдут обратно, в родные степи...

Старик помолчал несколько мгновений, впиваясь взглядом в невозмутимое суровое лицо шаха, затем продолжал:

¹ Н о й о н — князь.

— Чингисхан, повелитель всех народов, обитающих в войлочных юртах, всем нам повелел обращаться дружески с мусульманскими войсками, если с ними придется встретиться. В знак дружбы хан Джучи предлагает выдать войскам шахского величества часть захваченной добычи и пленных меркитов, как рабов.

Тогда шах ударил плетью коня. Гнедой конь заплясал, сдерживаемый сильной рукой Мухаммеда. И шах сказал знаменитые слова, которые тут же записал в «Походную тетрадь подвигов и битв и изречений шаха» его придворный летописец Мирза-Юсуф:

— Скажи твоему начальнику: если Чингисхан не велел тебе со мною сражаться, так мне Аллах приказывает другое — напасть на ваши войска! Я хочу заслужить милость всемогущего Аллаха, истребив вас, поганых язычников!

Переводчик, пораженный, окаменел, обдумывая слова хорезм-шаха, но Мухаммед уже направил коня к спешно строившемуся в боевой порядок войску.

Переводчик вернулся к монгольским всадникам, сел на коня, и вся группа монголов поехала в сторону своих войск. Несколько шагов они ехали медленно, затем, пригнувшись к гривам, во всю конскую прыть помчались к своему лагерю.

...Битва закипела.

Едва старик мусульманин доскакал до лагеря монголов, оттуда отделились несколько отрядов, медленно направляясь навстречу войскам хорезм-шаха, и остановились на отлогих холмах.

Хорезм-шах отдал приказ ханам:

— Войско разбить на три части: правое, левое крыло и середина. Оба крыла должны охватить лагерь монголов, чтобы никто оттуда не ускользнул. Середина, где нахожусь я, будет запасной силой. Я двину ее туда, где понадобится подмога и решительный удар. Прямо на нас враги не бросятся. А если бросятся, тем лучше: они завязнут в топком солончаковом болоте.

Шах поднялся на вершину холма. Далеко раскинулась степь — место будущего боя. Шах сошел с коня и опустился на ковер. Достарханджй разостлал вышитый шелками платок, расставил подносы с лепешками, изюмом, сушеной дыней. Он налил в чаши кумыс и роздал молодым бекам, которые сопровождали в походе хорезм-шаха, участь военному делу.

Быстроходные верблюды с провизией опустились на колени. Достарханджи распорядился, доставая вместе со слугами золотые кувшины, блюда и самые изысканные кушанья, чтобы подкрепить истощенные походом силы хорезм-шаха.

Правым крылом командовал нелюбимый сын хорезм-шаха Джелаль эд-Дин. Вороной жеребец вскачь вынес его на вершину бархана. Молодой хан всматривался в равнину боя, прикрывая от солнца маленькой рукой узкие черные глаза.

— Позови Кара-Кончара! — крикнул он джигиту.

Коренастый молодой туркмен в красном кафтане вскачь пустился с холма и вернулся вместе с сухопарым всадником в черной бараньей шапке и черном плаще. Кара-Кончар подъехал к Джелалю эд-Дину и, склонившись к нему, внимательно вслушивался в его слова. Хан объяснил план будущей битвы. Ястребиное лицо Кара-Кончара не выражало никакого волнения, только в карих, круглых, как у совы, глазах вспыхивали веселые искры.

— Видишь этот солончак? — говорил Джелаль эд-Дин. — В нем для нас и гибель и удача. Татар не так много. Нас в три раза больше. Но не в количестве сила. Могу ли я довериться нашим воинам? От умиравшего меркита я выведал, что монголов всего тысяч двадцать. Значит, если против нашего крыла пойдет половина, то это будет только десять тысяч. У нас же одних туркмен шесть тысяч, да кара-китаев пять тысяч. Но кара-китаи покорились падишаху из нужды и голода. Они отправились в поход не воевать, а погреть руки у чужих костров. Я их пуцу вперед застрельщиками. Они охотно пойдут, чтобы поскорее добраться до татарских обозов. Но тот же меркит назвал татар «взбесившимися тиграми». В битве татары, конечно, опрокинут кара-китаев и бросятся на нас. Тут их надо встретить со всей яростью, ударить им в бок и загнать в топкий солончак. Там они завязнут, и мы их изрубим. После этого мы бросимся спасать моего отца. Придется сегодня падишаху забыть сладостный покой души и жареных уток... Эй, джигиты, скачите к туркменским ханам и скажите, что сегодня в бой их поведет Кара-Кончар, барс Каракумов.

Шесть джигитов помчались во все концы туркменских отрядов, рассыпавшихся по холмам. Когда войско услышало имя Кара-Кончара, все встрепенулись и загудели. Кто не слышал имени Кара-Кончара, грозы Хорасана и Астрабада! Никто не подозревал в молчаливом черном всаднике на долговязом рыжем коне бесстрашного и неуловимого джигита каракумских равнин.

Кара-Кончар подскакал к туркменам, вызвал нескольких всадников и, вкратце изложив план боя, увел три тысячи всадников за холм, где он должен был, притаясь, поджидать татар.

Джелаль эд-Дин на вороном жеребце вихрем подлетел к кара-китаям. В войлочных малахаях, на маленьких мохнатых конях, они ожидали беспорядочной толпой, ошестинившись короткими копьями.

— Удальцы кара-китаи! — крикнул им Джелаль эд-Дин. — Вы горные барсы, вы храбрейшие в бою! Вот перед нами лагерь трусливых бродяг. Они, как ночные воры, разграбили нашу богатую добычу. Она принадлежит только нам, хозяевам этой степи. Нападайте на них и берите в лагере все, что хотите!

Кара-китаи зашевелились и на рысях двинулись к лагерю татар. Пыль за клубилась над ними, и по мере того как всадники ускоряли скачку, их дикие вопли усиливались, перейдя в сплошной рев.

Хорезм-шах Мухаммед, отвернув длинные полы собольей шубы, удобно уселся на ковре и грыз крепкими белыми зубами лапку дикой утки. Другую ножку объедал Шейх-уль-ислам, единственный из шахской свиты, удостоившийся чести сидеть на маленьком ковре против падишаха. Даже участник всех его походов Тимур-Мелик, любимец шаха, «рукоятка его меча и щит его спокойствия», и тот стоял, скрестив руки на животе, и слушал глубокомысленную беседу Мухаммеда с белобородым главою духовенства, пожелавшим сопутствовать шаху в походе, чтобы все время молиться Аллаху о даровании ему победы.

Хорезм-шах шутил, изредка посматривая в сторону неприятеля, собиравшегося в степи отдельными отрядами. В тихом утреннем воздухе отчетливо было видно, как стремительно проносились всадники между отдельными частями, как поблескивали их круглые металлические щиты.

Одна группа монгольских удальцов вылетела вперед. Они столкнулись с кипчакскими джигитами... Высоко взлетали и падали сверкающие мечи! Один воин упал, лошадь с седлом, сбившимся под брюхо, неловкими прыжками понеслась по степи, вскидывая задними ногами.

Затем началось наступление. Несколько конных отрядов кипчаков помчались по желтой равнине.

Шах положил лапку утки и крикнул:

— Беки, наступайте! Аллах вам подмога!

По приказу шаха кипчакские отряды стали вытягиваться, как изгибающиеся руки, чтобы обхватить монголов. Но монголы и не пытались выскользнуть из смыкающегося кольца.

От лагеря отделился первый отряд монголов. Тысяча сомкнутых всадников, по сто человек в ряд, устремилась на маленьких лохматых лошадях, покрытых железными и кожаными панцирями. Они неминуемо должны были прорвать нестройную, колеблющуюся линию кипчаков, растянувшихся широко по степи.

— Кху-кху-кху-кху! — слышался звериный рев монголов.

От лагеря оторвалась вторая тысяча и покатила по степи. На солнце вспыхивали ярким блеском стальные шлемы, металлические щиты и изогнутые мечи.

Шах с вершины холма видел, как от общей массы монгольских войск отрывался отряд за отрядом и неудержимо несся вперед с хриплыми криками: «Кху!»

Кипчаки заметались. Крайний отряд повернул к лагерю грабить монгольские обозы. Но от лагеря отделилась еще одна тысяча и так же легко и ровно понеслась в сторону и перерезала путь кипчакам. Оба отряда сцепились.

Облако пыли окутало место боя. Оттуда стали вырываться отдельные кипчацкие всадники и, прижавшись к шее коня, уносились в степь.

— Подобного этому я не видел никогда! — воскликнул, вставая, шах. Он тревожно наматывал на палец конец бороды, впиваясь глазами вдаль.

Четыре отряда монголов, один за другим, в стройном порядке взяли направление на середину развернутых войск шаха, на тот холм, где находился Мухаммед и его свита.

Все ближе слышались взрывы монгольских возгласов «кху-кху-кху!».

Кто сможет остановить эту лавину? Мухаммед оглянулся. Тимур-Мелика рядом с ним уже не было. Вскочив на коня, он помчался в сторону битвы.

Лучшие, испытанные кипчацкие отряды бросились навстречу монголам. Те задержались лишь на несколько мгновений, чтобы прорубить себе проход, и понеслись дальше, к холму, где стоял Мухаммед.

— Коня! — заревел шах. — Коня! — И, не дожидаясь, пока его услышат, он проворно сбежал к подножию холма, где два конюха держали под уздцы гнедого жеребца с красным хвостом.

Шах вскочил на него и ринулся в степь. За ним устремились его приближенные, звеня доспехами, сбруей и бубенцами.

На холме остался смятый ковер с медными блюдами, золотыми чашками и рассыпавшимися сладостями. Ветер трепал конец пестрого шелкового достархана. Только один из приближенных шаха не успел скрыться. Это был седобородый Шейх-уль-ислам. Он свалился с коня, когда вся свита вскачь помчалась за Мухаммедом. Имам взобрался на холм, поправил ковер и опустился на колени. Порывшись в складках кисеи своего белоснежного тюрбана, он вытащил овальную золотую пластинку.

Когда к холму подскакали монголы, трое начальников и старый переводчик поднялись на его вершину. Один был молодой, с угрюмым лицом, черными глазами и узкой черной бородой. Конеч ее, заплетенный косичкой, закинут за левое ухо. Второй — старый, грузный и толстый монгол со скрюченной правой рукой. Лицо пересечено наискось багровым шрамом, отчего один глаз зажмурен, а другой, выпученный, пыталово вглядывался во все окружающее. Третий — высокий, сухопарый, весь покрытый стальными латами. Это были старший сын Чингисхана Джучи и два уже прославившихся в Китае полководца — одноглазый Субудай-багатур и сухопарый Тохучар-нойон. Имам продолжал оставаться в молитвенной сосредоточенности, делая поклоны до земли. «Он — служитель бога», — сказал переводчик. Имам встал, сложил руки на груди и, согнув спину, мелкими шажками подошел к одному из монголов.

— Уже три года я верный слуга повелителя вселенной Чингисхана, — смиренно сказал он и протянул монголу золотую пластинку. — Каждый месяц я посылаю с караванами письма к начальнику первого монгольского поста на большом пути в Китай. Теперь я прошу взять меня на службу к себе в монгольское войско. Я не хочу возвращаться в Хорезм...

Переводчик перевел слова имама. Джучи-хан небрежно взял золотую пластинку...

— Маленькая пайцца с кречетом... — заметил он, продолжая внимательно наблюдать за степью, где по всем направлениям скакали всадники. Он вернул золотую пластинку Шейх-уль-исламу и сказал:

— Нет! Ты нам нужен, пока ты греешься у сердца твоего государя. Поезжай обратно к твоему доверчивому шаху и посылай нам снова преданные письма.

И монголы тут же забыли об имаме. Схватка приближалась к холму. Туркмены Джелаль эд-Дина опрокинули монголов левого крыла, часть изрубили, остальных теснили в болото.

Все три монгольских начальника вскачь спустились с холма.

Бой продолжался до вечера. Туркмены и кара-китаи, перебросившись на левое крыло, атаковали монголов. Они бились отдельными отрядами. Монголы то рассыпались и, убегая, бросались в сторону, то внезапно поворачивали коней и стремительно нападали на преследовавших туркмен, чтобы снова после этого обратиться в бегство. С наступлением сумерек монголы разом умчались в свой лагерь.

Хорезм-шах вернулся на холм и провел там тревожную ночь. Вокруг улеглись кипчакские воины возле своих коней, привязав их арканами.

Вдали багровыми вспышками трепетало небо, отражая пламя монгольских костров. Огни пылали всю ночь. «Монголы готовятся к утреннему бою», — говорили кипчаки. Со всех концов степи доносились стоны и призывы о помощи — половина кипчакского войска ранеными и убитыми полегла в этой битве.

Джелаль эд-Дин убеждал хорезм-шаха:

— Отступать теперь, когда монголы не могли ничего поделаться с нашим войском, — это погубить свою славу. Они сейчас укрепляются в лагере... Значит, нужно сейчас, этой ночью, подкрасться, напасть внезапно и их прикончить.

— Завтра я буду продолжать битву, — сказал Мухаммед, кутаясь в соболью шубу.

Когда косые лучи солнца побежали по степи и от холмов потянулись длинные тени, войско хорезм-шаха, снова выстроившись тремя частями, двинулось на монголов.

Но в их лагере, позади дымных костров, было пусто: в нем не оказалось ни одного монгольского воина. Валялись только трупы зверски зарубленных меркитов, да ковыляло несколько хромых верблюдов.

Посланный вдогонку за монголами отряд туркмен вернулся к вечеру.

— Монголы так быстро уходили на восток, что мы видели только уносившееся вдаль облако пыли.

— Они хорошие воины, я никогда еще не видывал подобных! — сказал хорезм-шах и приказал своему войску повернуть коней обратно.

— Это были передовые разведчики, — сказал шаху Джелаль эд-Дин. — Они вернутся с огромным войском. Сейчас надо идти за ними, следить, выяснить, что они готовят, и самим спешно готовиться к войне...

— Ты рассуждаешь, как неопытный юноша, — ответил Мухаммед. — Монголы никогда больше не решатся напасть на меня!..

Часть IV

ВРАГИ НА ГРАНИЦЕ

Глава 1

МОНГОЛЬСКОЕ ВОЙСКО ГОТОВО К НАБЕГУ

Этот царь отличался крайней жестокостью, проищательным умом и победами.

Из персидской сказки

В верховьях Черного Иртыша, у подножья одинокого кургана среди зеленой степи, стоял желтый шелковый шатер. Он был отобран Чингисханом у китайского императора. Позади шатра стояли две большие монгольские юрты, обтянутые белыми войлоками; в одной юрте находилась последняя жена Чингисхана, молодая Кулан (дочь убитого монголами хана меркитов) вместе с маленьким сыном Кюльканом. В другой юрте помещались семь служанок — китайских рабынь.

Перед шатром на площадке горели огни на сложенных из каменной жертвенниках. Между этими огнями должны были проходить все являвшиеся на поклон к великому кагану. Огнем, как объясняли шаманы, очищаются преступные помыслы и отгоняются приносящие несчастье и болезни злые «дивы», выощишиеся невидимо вокруг злоумышленника.

Старый главный шаман, Бэки, и четыре молодых шамана в остроконечных войлочных шапках и белых просторных балахонах ходили вокруг жертвенников, похлопывая ладонями по большим бубнам и встряхивая погремушками. Среди завываний они выкрикивали молитвы и подбрасывали в огонь смолистые ветки и сушеные ароматные цветы.

С одной стороны шатра стоял привязанный к золотому приколу белый жеребец по имени Сэтэр. У него были огненные глаза и серебристая белая шерсть по черной коже. Он никогда не знал седла, и

ни один человек не садился на него. Во время походов Чингисхана — по объяснению шаманов — на этом белоснежном коне ехал невидимый могучий бог войны Сульдэ, покровитель войска монголов, и вел их к великим победам.

По другую сторону шатра был привязан всегда оседланный широкогрудый Нейман, любимый боевой конь Чингисхана, саврасый, с черными ногами и хвостом и черным ремнем вдоль хребта, — потомок диких степных лошадей.

Рядом с конем Сэтэром было прикреплено высокое бамбуковое древко со свернутым белым знаменем Чингисхана.

Вокруг кургана расположились дозором телохранители, «тургауды», в кольчугах и железных шлемах; они наблюдали, чтобы ни одно живое существо не приблизилось к шатру великого кагана. Только те, кто имел особые золотые пластинки — пайцзы — с изображением головы тигра, могли миновать заставы часовых тургаудов, чтобы подойти к кургану с желтым шелковым шатром.

Поодаль, в степи, широким кольцом рассыпались черные татарские юрты и рыжие шерстяные тангутские шатры. Это был личный курень¹ Чингисхана, стоянка тысячи избранных телохранителей — всадников на белых конях. В эту охрану входили только сыновья знатнейших ханов; из них каган выбирал наиболее сметливых и преданных и назначал начальниками отрядов.

А еще дальше раскинулись другие курени; они тянулись по равнине и уходили к покрытым густым лесом горам. Между куренями в степи паслись верблюды и табуны разношерстных коней. Конюхи с гиканьем скакали, размахивая арканами, и следили, чтобы кони разных табунов не смешались или не приблизились к косякам кобылиц с жеребятами.

Прежде чем двинуться в земли мусульман, монгольский владыка отправил в Бухару, к шаху Хорезма Мухаммеду, посольство с богатыми дарами. Во главе это посольства он поставил преданного ему мусульманина Махмуд-Ялвача, богатого купца родом из Гурганджа, раньше посылавшего караваны из Средней Азии в Китай. Ему поручено было разузнать, что делается в западных землях, какие там войска и готов ли к войне шах Хорезма. Одновременно Чингисхан отправил туда много тайных лазутчиков.

¹ Курень — монгольское слово «Kurien» — означает круг юрт с юртой начальника кочевья в центре.

Глава 2

ПОСОЛЬСТВО ВОСТОЧНОГО ВЛАДЫКИ

В складках их одежда еще сохранилась аромат цветов далеких стран.

Из персидской сказки

Разгромленный Самарканд сделался временной столицей последнего шаха Хорезма. В ознаменование своей победы над вольнолюбивыми самаркандцами Мухаммед выстроил там высокую мечеть и приступил к постройке большого дворца. Он продолжал считать себя великим завоевателем, который, подобно Искендеру Двуроному, должен двинуться с войском преданных ему кипчаков до конца вселенной и раздвинуть границы владений хорезм-шахов до Последнего моря¹, за которым начинается мрак. Он считал своим главным и опасным противником багдадского халифа Насира, не пожелавшего уступить Мухаммеду звания главы всех мусульман. Сперва надо было разгромить Насира и вонзить конец копья в священную землю Багдада перед его главной мечетью, а потом повернуть коня и двинуться на восток, чтобы завоевать отдаленный, прославленный своими богатствами Китай.

Мухаммед собрал большое войско. Развернув зеленое знамя пророка, он направился через Иран на Багдад, столицу арабских халифов.

Однако вскоре передовая часть шахского войска, не имевшая теплых одежд, погибла в горах Ирана, захваченная снежной метелью; потеряв силы, она была вырезана нечестивыми курдами. Это несчастье остановило Мухаммеда, и он стал сомневаться в необходимости войны с халифом. «Не гнев ли это божий?» — думал он и вернулся в Бухару, где временно «поставил свой посох странствования».

Сюда осенью года Зайца (1219) прибыло большое посольство от Чингисхана, великого кагана монголов, татар, китайцев и других народов, обитающих на Востоке. Хорезм-шах снова должен был заняться татарами.

...К высоким воротам шахского дворца подъехали на пегих степных конях послы Чингисхана — три мусульманина из числа богатейших купцов, ежегодно посылавших караваны с товарами из Хорезма в разные концы Азии. Эти люди родом из трех больших городов,

¹ В ту пору земля считалась островом, окруженным беспредельным морем.

Гурганджа, Бухары и Отрара¹, давно находились на службе у Чингисхана. Такие богатые купцы обычно составляли торговые компании и принимали деньги от вкладчиков, желавших испытать счастье в торговле. Приказы их о выплате денег по торговым сделкам на огромные суммы исполнялись всюду без задержки как на отдаленном востоке, так и на крайнем западе Азии, а платежи по ним шли быстрее, чем поступления податей в казну правителей.

Подарки хорезм-шаху Мухаммеду были привезены на сотне верблюдов и на одной ярко раскрашенной арбе, запряженной двумя длинношерстными яками. Народ стоял на улице густой толпой от загородного дворца, предоставленного для посольства, и до ворот шахского Арка. Нарядные приказчики этих купцов, одетые в одинаковые халаты из китайского шелка, снимали с верблюдов выюки, развязывали их и переносили необычайные, редкие подарки в приемную залу дворца.

Среди подарков были слитки ценных металлов невиданного цвета, рога носорогов, мешочки с мускусом, красные и розовые кораллы, резные чашечки из яшмы и нефрита, куски драгоценной материи «таргу», сотканной из шерсти белых верблюдов, подносимой только ханам; шелковые материи, шитые золотом, куски тонкой и прозрачной, как паутина, ткани. Наконец приказчики внесли огромный кусок золота из китайских гор, величиной с шею верблюда. Это золото привезли на арбе, запряженной яками.

Хорезм-шах принял послов, сидя на высоком старинном троне султана Османа, последнего из рода Караханидов. Шах был в парчовой одежде, как и окружавшая его свита; он сидел, задумчивый и равнодушный, с полузакрытыми веками. Взгляд его блуждал далеко, поверх голов собравшихся. Рядом с тронem стоял великий визирь и теснились другие высшие сановники государства.

Три посла, поклонившись до земли, опустили на колени и рассказали причину своего приезда. Старший посол, высокий и полный Махмуд-Ялвач, начал:

— Великий Чингисхан, повелитель всех монголов, отправил наше чрезвычайное посольство, чтобы завязать узлы дружбы, мира и

¹ Город Отрар — до нашествия монголов был одним из крупнейших городов Средней Азии. В 1219 году был разрушен Чингисханом, жители истреблены почти поголовно. Впоследствии он был возрожден, и его имя встречается в истории Средней Азии, но он не мог уже достигнуть прежнего многолюдства и богатства. Теперь — это огромная масса валов и бугров, под которыми погребены развалины постепенно угасавшего города. Эти развалины находятся близ станции Арысь Средне-Азиатской железной дороги, у впадения реки Арысь в Сырдарью.

доброжелательного соседства. Великий каган посылает хорезм-шаху подарки и свои приветствия и поручил нам заявить такие его слова... — Махмуд-Ялвач передал другому послу пергаментный свиток, к которому белым шнуром была прикреплена синяя восковая печать.

Второй посол, Али Ходжа ал-Бухарӣ, прочел:

«Я не лишен сведений ни о высокой степени твоего сана, ни о великих размерах твоего могущественного царства. Я уведомлен о том, что твое шахское величие почитается в большей части государств вселенной. Поэтому я считаю своим долгом укрепить связи дружбы с тобой, шах Хорезма, ибо ты для меня столь же дорог, как любимый сын¹ из моих сыновей...»

— Сын? Как ты сказал — сын? — воскликнул, очнувшись, шах. Он положил ладонь на костяную рукоятку кинжала за поясом и, пригнувшись, впился глазами в говорившего.

«...Равным образом ты знаешь, — продолжал невозмутимо посол, — что я покори́л царство китайское, захватив его главную северную столицу, а также присоединил ту часть земель, которая лежит по соседству с твоими владениями...»

Шах покачал головой и начал наматывать на палец с алмазным перстнем черный завиток бороды.

«...Ты лучше, чем кто-либо, знаешь, что принадлежащие мне земли являются лагерями моих непобедимых воинов и полны серебряных рудников. Мои обширные земли производят в изобилии всякие продукты. Поэтому для меня нет никакой нужды отправляться за мои пределы с целью добывать себе добычу. Великий шах, если ты признаешь полезным, чтобы каждый из нас открыл свободный доступ в свои земли кушдам другой страны, то это будет выгодным для нас обоих, и мы оба найдем в этом большое удовлетворение».

Все три посла молча ожидали ответа повелителя западных мусульманских стран на письмо владыки кочевого востока. Хорезм-шах продолжал сидеть неподвижно. Взглянув на великого визиря, он лениво махнул рукой, украшенной золотыми браслетами.

¹ По восточным понятиям того времени, правитель одного государства мог называть сыном только такого другого правителя, который находился к нему в подчиненной, вассальной зависимости.

Великий визирь торжественно принял послание Чингисхана. Он поднял глаза на Мухаммеда, и тот снова махнул рукой, точно отгоняя надоедливую муху. Тогда визирь, наклонившись, тихо сказал старшему послу Махмуд-Ялвачу:

— Высочайший прием окончен. Падишах будет теперь оказывать высокую милость другим, принимая неотложных просителей.

Три посла встали и, не поворачиваясь, почтительно попятились назад к входной двери, затем вышли в следующую приемную. Здесь их нагнал визирь и шепнул Махмуд-Ялвачу:

— Жди меня в полночь!

Глава 3

НОЧНАЯ БЕСЕДА ШАХА С ПОСЛОМ

Не говори, что силен, — нарвешься на более сильного. Не говори, что хитер, — нарвешься на более хитрого.

Киргизская пословица

Ночью молчаливый слуга вывел Махмуд-Ялвача из загородного дворца, где остановились монгольские послы. Верховые кони ждали под старым платаном. В лунном свете Махмуд-Ялвач узнал среди всадников великого визиря.

— Ты последуешь за мной, — сказал он. — Садись на коня.

Они проехали темными переулками через всю затихшую Бухару и остановились около глухой стены с железной дверью. На условный стук дверь бесшумно приоткрылась. Там стоял мрачный воин в кольчуге и шлеме, и в лунном свете он казался вылитым из серебра. Махмуд-Ялвач, следуя за визирем, прошел сад с бассейнами, где дремали лебеди и в беседках над водой слышался шепот женских голосов.

Он поднялся на террасу причудливой беседки. За тяжелой занавесью оказалась маленькая комната, обитая узорчатыми тканями. В высоких серебряных подсвечниках, потрескивая, горели толстые восковые свечи. На шелковых подушках сидел шах Мухаммед в пестром халате из кашмирской пали.

— Сядь поближе! — сказал шах, выслушав приветствия гостя. — Я хочу поговорить с тобой наедине о важных для меня делах. Ты числишься моим подданным. Ведь ты родом из Хорезма, из моего города Гурганджа? Ты правоверный мусульманин, а не какой-нибудь нечестивый язычник, и ты должен сейчас же мне доказать, что ты ду-

шою, разумом и делами находишься на стороне всех правоверных, а не продался врагам ислама.

— Это все верно, мой падишах! Я родом из Гурганджа, — ответил Махмуд-Ялвач, опускаясь на колени у ног Мухаммеда. — Я слушаю почтительно и с радостью слова шахского величества и рад послужить всей моей жизнью правителю земли ислама.

— Если ты будешь правдиво отвечать на все мои вопросы, то я щедро награжу тебя. Вот залог того, что мое обещание будет исполнено. — Шах вырвал из золотого браслета большую жемчужину и протянул ее послу. — Но помни, что если ты окажешься лгуном и предателем, то уже завтра не увидишь солнца.

— Что я должен сделать? Я повинуюсь, падишах!

— Я хочу через тебя все разузнать о татарском кагане Чингисхане. Я хочу, чтобы ты сделался при нем моим глазом и моим ухом. Я хочу, чтобы ты присылал мне с верным человеком письма, спешно извещая, что́ делает Чингисхан, что́ он замыслил, куда готовит поход. Поклянись, что ты это выполнишь!

— Аллах свидетель, что я служу и буду служить тебе, мой падишах! — сказал Махмуд-Ялвач и коснулся руками бороды.

— Ты пробудешь здесь еще сутки, чтобы рассказать моему летописцу Мирзе-Юсуфу все, что ты знаешь о Чингисхане, — откуда он явился, какие он вел войны и как он стал владыкой всех татар.

— Я это расскажу, мой государь!

— Чингисхан утверждает, будто он теперь повелитель могущественного Китая и что он захватил даже его столицу. Действительно ли это так, или все это пустое хвастовство?

— Клянусь, что это сама истина! — ответил Махмуд. — Дело такой великой важности не может остаться тайным. Скоро, государь, ты убедишься, что все это правда.

— Положим даже, что это так, — сказал шах. — Но ты знаешь огромные размеры моих владений и сколь многочисленны мои войска? Как же этот хвастун, язычник-скотовод, осмелился назвать меня, могучего повелителя всех мусульман, своим сыном?.. — Шах схватил сильными руками посла за плечи и притянул к себе, впиваясь пристальным взглядом. — Говори сейчас, как сильна его армия?

Махмуд почувствовал скрытую ярость в речи хорезм-шаха. Боясь его гнева и казни, он сложил руки на груди и отвечал с почтительной кротостью:

— По сравнению с твоими несметными победоносными войсками войско Чингисхана не более чем струйка дыма во мраке ночи!

— Верно! — воскликнул шах и оттолкнул посла. — Войска мои и бесчисленны, и непобедимы! Об этом знает вселенная, и ты хоро-

по мне все это объяснил... Через день ты получишь мое ответное письмо к татарскому падишаху. А тебе и твоим монгольским товарищам по торговле я дам все льготы и преимущества как для продажи и покупки товаров, так и для свободного проезда по мусульманским землям. Сейчас ты пойди с моим векилем; он проведет тебя в круглую комнату, где ждет мой летописец, старый Мирза-Юсуф. Он запишет твои слова.

Хорезм-шах закивал милостиво головой и несколько раз ударил в ладоши.

Глава 4

ЧТО ПОСОЛ РАССКАЗАЛ О ЧИНГИСХАНЕ

Не надо говорить плохо ни про кого в его отсутствие, ибо земля может передать ему все это.

Восточная поговорка

Векиль предложил монгольскому послу следовать за ним и провел его кривыми и запутанными переходами дворца в круглую комнату с высоким куполом. Около стен стояли черные сундуки, окованные железом. В узких нишах на полочках лежали запыленные бумажные свитки.

«Шахская библиотека!» — решил Махмуд-Ялвач и несколько успокоился. Он ожидал попасть в сырой подвал на допрос с мучительными пытками.

На ковре сидел сухой, согнувшийся старик с белоснежной бородой и красными, слезящимися глазами. Рядом с ним склонился над пачкой бумаг молодой писарь с миловидным, нежным лицом, похожий на девушку.

Векиль, сославшись на срочные обязанности, удалился.

Посол, высокий, дородный, в искусно закрученном тюрбане и красном шелковом халате, оставив при входе зеленые туфли, степенно подошел к старику, поднявшемуся со словами приветия. После его приглашения посол опустился на колени. Оба прошептали молитву, провели ладонями по бороде и обменялись вопросами о здоровье.

Посол заговорил:

— Великий падишах приказал мне рассказать тебе все, что я знаю о татарском владыке. При нем я обычно нахожусь переводчиком, а сейчас исполняю обязанности посла...

— Я тебя с усерднейшим вниманием слушаю, наш почтенный и редкий гость. Мне мой великий падишах приказал то же самое: узнать от тебя полезные для нашей родины сведения и вписать все услышанное в дворцовую тайную книгу летописей.

Махмуд-Ялвач опустил глаза и оставался некоторое время безмолвным. «Все, что я скажу, — думал он, — через несколько дней будет известно всем дворцовым сплетникам. Как избежать опасности и со стороны шаха, который разгневется, если я не скажу ничего важного, и со стороны великого кагана татар, который узнает об этой ночной беседе? Лазутчики Чингисхана уже проникли всюду...»

Посол, сделав грустное, озабоченное лицо, начал перебирать перламутровые четки, намотанные на левую руку.

— Я расскажу про многие вещи, от которых отрекается разум, — сказал он. — Так далеки они от всего привычного. Часто я сам не верю истине этих рассказов... Но если я скажу, что все они ложь, то все же ты захочешь узнать, что это за ложь? Поэтому я буду говорить то, что я слышал. Все люди ошибаются. Если кто-нибудь станет утверждать, что он достиг непогрешимости, то с ним нечего и разговаривать!..

Махмуд-Ялвач остановился и, подняв брови, следил с удивлением, как быстро записывал его слова молодой писарь. Тростниковое перо легко бегало по листу бумаги, и слово за словом ложилось ровной строкой, начертанное красивой арабской вязью.

— Зачем этот юноша записывает все? Ведь я еще ничего не начал говорить о татарах!

— Это не юноша, — ответил летописец Мирза-Юзуф. — Это девушка Бент-Занкиджа!... Я стал слепнуть, и рука у меня дрожит. Но мне стала помогать внучка. Она так легко и красиво пишет, точно лучший арабский каллиграф. Но я не уверен, что эта девушка надолго останется моей помощницей. Она уже сочиняет песни про «радость черных глаз» и про «родинку на щеке», поэтому я боюсь, что она скоро покинет меня... Тогда мне придется сложить руки на груди и лечь лицом к священному камню...

— Я не оставляю тебя, дедушка! — сказала она, не поднимая глаз и продолжая писать.

Старик снова обратился к послу:

— Падишах обещает тебе высокую награду за все, что ты скажешь, за все важное, что нам полезно знать. Было бы прискорбно, если бы из-за нашей беспечности страна ислама вдруг подверглась нападению сильных врагов! Ведь ты правоверный, как и все мы? Сумеешь ли ты вовремя предостеречь нас? Великая награда ожидает тебя...

— Мне ничего не нужно! — сказал посол, вздыхая. — Пусть наградой за все понесенные мною труды в скитаньях по вселенной будут молитвы за меня благочестивых правоверных, дабы в день последнего суда я проснулся в ряду воскресших праведников!

Насмешливая улыбка скользнула по устам девушки. Она вскинула недоверчивый взгляд на посла, на его убитое тело и руки с золотыми перстнями. Посол молчал, обдумывая каждое слово.

— Да будет так! — сочувственно сказал старый летописец.

Тощий слуга-раб с длинными седыми волосами принес серебряный поднос с различными сладостями и поставил перед гостем. Он налил из глиняного кувшина темно-красного вина в серебряную чашу.

— Испробуй старого вина из дворцового подвала, — сказал летописец. — Первое, что нам важно знать, — что это за народ монголы и татары? Где они живут? Сколько их? Какие они воины? Они появились на нашей границе так внезапно, точно страшные яджуджи и маджуджи, выброшенные из огненного чрева земли лукавым Иблисом¹.

Посол стал объяснять:

— И монголы и татары — степняки; живут они рядом, в восточных отдаленных странах, и неспособны к оседлой жизни. Их обширные земли представляют пустыню, травобильную и маловодную, пригодную коню, барану и верблюду, потому что этот скот потребляет много травы и мало воды...

Летописец прервал посла:

— Нам важно знать, опасны ли они для нас как войско?

— Я был бы предателем ислама и подлым лгуном, если бы сказал, что монголы и татары менее опасны для соседей, чем страшные яджуджи и маджуджи...

— Да спасет нас Аллах! — воскликнул старик Мирза-Юсуф.

— Они природные воины, сто лет они враждуют друг с другом, одно племя против другого племени... Сегодня какой-нибудь татарский хан имеет тысячу лошадей, огромное стадо баранов и сотню полуголых пастухов, всегда недовольных, всегда голодных, потому что у каждого пастуха есть голодная жена и голодные дети... Когда хан видит, что его пастухам стало невтерпеж и они рычат, как звери, он им приказывает: «Идем войной на соседнее племя! Мы вернемся сытыми и богатыми!» Хан отправляется со своими пастухами в поход... А резня кончается тем, что иногда этого хана с колодкой на шее продают вместе с его скотом и пастухами по четыре дирхема за голову, а покупает их третье соседнее племя или купцы, скупщики рабов...

¹ И б л и с — дух зла, коварства и тьмы, упоминается в Коране.

— Для чего ты все это рассказываешь? — укоризненно сказал летописец. — Нам важно знать не о рабах или других таких мелочах, а о войске татарского хана, о его оружии, о числе и о военных качествах его воинов!

Посол не торопясь отпил вина.

— Для того чтобы пройти к горе, — сказал он, — иногда придется сперва обойти встречные реки, озера и солончаки...

— Почтенный гость, расскажи нам сперва не о солончаках, а о татарском падишахе.

— Хорошее, душистое вино в подвалах хорезм-шаха! — невозмутимо продолжал Махмуд-Ялвач. — Желаю царствовать ему без горя до конца жизни... Среди воинственных татарских ханов один, по имени Темучин, отличался особой удачей в битвах, жестокостью к врагам, щедростью к сторонникам и стремительностью в нападениях. Этот хан Темучин раньше видел немало бедствий. Рассказывают, что юношей Темучину пришлось быть даже рабом и с деревянной колодкой на шее исполнять самые тяжелые работы в кузнице враждебного племени¹. Но он бежал оттуда, убив своей цепью сторожа, и потом много лет провел в войнах, стремясь к власти над другими ханами... Ему было уже пятьдесят лет, когда ханы провозгласили его великим каганом и подняли на «белом войлоке почета» в надежде, что Темучин будет исполнять желания знатнейших ханов... Но Темучин подчинил всех своей воле, избрал себе новое имя — «Чингисхан», что означает «посланный небом», разгромил и обратил в рабство непокорные племена, а их вождей сварил живыми в котлах...

— Как это ужасно! — вздохнул летописец. — Но ты рассказываешь страшные сказки, а не говоришь о войске великого владыки татар!

Посол выпил еще чашу вина, и летописец уже посматривал на него с боязнью. «Дворцовое вино крепкое... Успеет ли посол рассказать все, что нужно хорезм-шаху, или заснет?» А тощий старый слуга опять подлил вина в серебряную чашу.

— Я именно говорю о войске, — спокойно возразил посол. — С того дня, как Чингисхан был объявлен великим каганом, все татары, раньше враждовавшие, стали его единым покорным войском. Он сам разделал татар на тысячи, сотни и десятки и сам назначил над ними своих тысяцких, сотников и десятских, отвергнув родовых ханов, если он им не доверял. Он также провозгласил через гонцов новый закон, что ни один кочевник не смеет враждовать с другим кочевником, гра-

¹ В юности Чингисхан жил в бедности и лишениях, был захвачен в плен соседним племенем и провел три года в тяжелом рабстве.

бить или обманывать другого кочевника, за каждый такой проступок последует от него одно наказание — смерть!

— А разрешает ли закон Чингисхана грабить и обманывать людей другого, не татарского племени?

— Разумеется! — сказал посол. — Это даже считается у них особой доблестью: ограбить, обворовать или убить человека другого, не татарского племени.

— Понимаю, — прошептал летописец. — А что сказали простые скотоводы? Уменьшился ли их голод?

— Чингисхан провозгласил, что подчиненные ему племена составляют единственный во вселенной, избранный небом народ, что они будут носить отныне имя «монголь», что означает «побеждающие»... Все же остальные народы на земле должны стать рабами монголов. непокорные ему племена Чингисхан вычистит с равнины земли, как сорные, вредные травы, и останутся жить одни монголы.

Летописец всплеснул руками.

— Значит ли это, что татарский каган и к нашей границе пришел с требованием, чтобы правоверные ему подчинились? Но у нашего падишаха огромное войско смелых воинов, которые сражаются, как львы, под священным зеленым знаменем ислама. Ведь это безумие, это детская сказка думать, что такое доблестное мусульманское войско, такой прославленный полководец, как хорезм-шах Алла эд-Дин Мухаммед, покорятся безумному хану простых скотоводов! Священная тень самого пророка витает над нашим войском и ведет его к победам!

Посол сложил пухлые руки на грузном животе, вздохнул и закрыл глаза.

— Я же предупреждал тебя, что ты назовешь мои рассказы баснями и сказками!

— Нет, нет, почтенный гость! Говори дальше! Я слушаю тебя, хотя слишком необычно, невероятно все, что ты говоришь.

Посол выпрямился. Девушка заметила, что глаза его горели умом и бодростью, но он снова как будто устало закрыл их и вяло продолжал:

— Татарский каган видел, что жадность ханов не уменьшилась, что голод и нужда простых пастухов усилились, что татарский народ накопил силу, которую он раньше тратил бесплодно во взаимной резне... Поэтому, чтобы простые скотоводы не пошли против своих ханов, Чингисхан решил направить эту накопленную силу в другую сторону... Он созвал курултай (совет) знатнейших ханов и сказал им: «Вам скоро предстоит великий поход. Вы вернетесь с войны увешанные золотом, гоня табуны коней, стада скота и толпу искуснейших

рабов. Я досыта накормлю беднейших пастухов, я оберну их животы драгоценным шелком, каждому дам несколько пленниц... Мы покорим богатейшую страну, и все вы вернетесь такими богачами, что у вас не хватит выючного скота, чтобы притащить добычу к вашим юртам...» Весной, когда степь зазеленела хорошим подножным кормом, Чингисхан повел конное голодное войско на древний богатый Китай... Он разметал встречные китайские войска, он носился, как буря, по стране, обратил в золу и пепел тысячу китайских городов, и только через три года войны, покорив половину Китая, отягченный безмерной добычей, он вернулся в свои степные кочевья...

— Да хранит нас Аллах от этого! — прошептал летописец.

— Все, что я сказал, опять кажется тебе сказкой, а между тем все это правда!

— Скажи, пожалуйста, почтенный Махмуд-Ялвач, какой с виду этот необычайный полководец Чингисхан?

— Он высокого роста, и, хотя ему уже больше шестидесяти лет, он еще очень силен. Тяжелыми шагами и неуклюжими ухватками он похож на медведя, хитростью — на лисицу, злобой — на змею, стремительностью — на барса, неутомимостью — на верблюда, а щедростью к тем, кого он хочет наградить, — на кровожадную тигрицу, ласкающую своих тигрят. У него высокий лоб, длинная узкая борода и желтые немигающие глаза, как у кошки. Все ханы и простые воины боятся его больше пожара или грома, а если он прикажет десяти воинам напасть на тысячу врагов, то воины бросятся, не задумываясь, так как они верят, что победят — Чингисхан всегда одерживает победы...

— Я прожил много лет, — сказал летописец, — и видел много славных, храбрых полководцев, но таких людей, как ты описываешь, мне встречать не приходилось... Очень похожа на сказку твоя речь... Объясни мне, если можешь, почему татарский каган, сделав богатым каждого пастуха, теперь вдруг сам оказался на нашей границе, так далеко от своей родины?

Посол допил чашу вина, снова закрыл глаза и сильно покачнулся. Летописец сделал строгие глаза и погрозил слуге, желавшему налить еще. Но посол очнулся и, видя пустую серебряную чашу, сделал слуге знак, и тот снова налил до краев темно-красного вина.

— Не удивляйся, что я пью так много! Ни ты, почтенный Мирза-Юсуф, ни твоя юная помощница не выпили ни капли, значит, мне остается одному пить за троих...

Махмуд продолжал, держа чашу в руках и слегка покачиваясь:

— Великий каган отдыхал в своих кочевьях три года. Половину войска он оставил в Китае, где народ продолжает до сих пор защи-

пять родину. А вторую половину войска он сам повел на запад через пустыни и горы...

Летописец закрыл руками уши и застонал.

— Я предчувствую ужасное!

Посол продолжал:

— Жадность ханов и голод простых кочевников чрезмерны. Воины жаловались, что ханы забрали себе лучшую добычу, что беднякам достались отбросы. Тогда Чингисхан решил увести воинов подалее, чтобы они снова не стали резать друг друга и своих ханов...

— Сколь велико теперь татарское войско?

Посол сказал сонным, вялым голосом:

— Чингисхан повел на запад одиннадцать туменов (корпусов). В каждом тумене — десять тысяч конных татар. Каждый всадник ведет с собой второго, запасного, коня, а то и двух...

— Значит, у татарского кагана всего сто десять тысяч всадников? — воскликнул летописец. — А у нашего падишаха воинов в четыре раза больше!.. Если же он поднимет на священную войну все наши племена, то огромное войско ислама окажется совершенно неодолимым!

— Разве не то же самое я говорил его величеству, хорезм-шаху Алла эд-Дину Мухаммеду? Татарское войско перед войском падишаха Мухаммеда — царствовать ему сто двадцать лет! — все равно, что струйка дыма в темную ночь!. Правда, по пути, во время похода на запад, к татарскому войску присоединились все степные бродяги: и уйгуры, и алтайцы, и киргизы, и кара-китаи, так что татарское войско Чингисхана быстро увеличилось и разбухло... Это не сказки!

Посол покачнулся, оперся руками о ковер и растянулся. Девушка подложила ему под голову зеленую сафьяновую подушку и сказала шепотом на ухо старику Мирзе-Юсуфу:

— Он хитрая лисица! Он не хочет сказать правду...

— Таковы послы! Где ты найдешь прямодушного посла?

Вошел векиль. Все долго, бесшумно сидели, выжидая и не зная, что делать со спящим послом.

Махмуд-Ялвач внезапно очнулся и разом поднялся, бормоча извинения:

— Что я вам наговорил спяну, сам не помню! Напрасно вы все это записали! Сожгите эти записки.

Векиль провел посла обратно узкими темными переходами двorca к глухой калитке сада, где ожидали верховые лошади. Джигиты с трудом посадили в седло качавшегося Махмуд-Ялвача. В предрассветных сумерках всадники проехали безмолвными улицами спящей Бухары и прибыли в загородный дворец шаха.

Через день, получив ответное письмо из рук шаха Мухаммеда, татарское посольство отправилось обратно на восток, в лагерь великого кагана всех татар.

Глава 5

ВЕЛИКИЙ КАГАН СЛУШАЕТ ДОНЕСЕНИЕ

Чингисхан отличался высоким ростом и крепким телосложением. Имел кошачьи глаза.

Историк Джузджани, XIII в.

Три всадника быстро ехали по дорожке между татарскими юртами. Их шерстяные плащи развевались, как крылья дерущихся орлов. Двое часовых скрестили копыя. Всадники сошли с коней, сбросив на белый песок запыленные плащи.

Один из прибывших, оправляя красный полосатый халат, воскликнул:

— Да будет благословенно имя кагана! Донесение особой важности!

Из ближайшей юрты уже бежали два нукера в синих шубах с красными нашивками на рукавах.

— Мы прибыли из западной страны, куда ездили послами от великого кагана. Скажи о нашем приезде. Я посол Махмуд-Явач.

В желтом шатре приоткрылась шелковая занавеска, и оттуда прозвучал приказ. Десять часовых на дорожке к шатру один за другим повторили:

— Великий каган приказал: «Пусть идут».

Трое прибывших склонились; скрестив руки на груди, они направились к шатру. Слуга-китаец пропустил их; они вошли внутрь, не поднимая головы, и опустились на ковер.

— Говори! — произнес низкий голос.

Махмуд-Явач поднял глаза. Он увидел строгое темное лицо с жесткой рыжей бородой. Две седые, скрученные в узлы косы падали на широкие плечи. Из-под лакированной черной шапки с огромным изумрудом пристально всматривались зеленовато-желтые глаза.

— Шах Хорезма Алла эл-Дин Мухаммед очень доволен твоими подарками и предложением дружбы. Он охотно согласился дать всякие льготы твоим купцам. Но он разгневался...

— Что я назвал его сыном?

— Ты, великий, как всегда, угадал. Шах пришел в такую ярость, что моя голова уже слабо держалась на плечах.

Глаза кагана зажмурились и протянулись узкими щелками.

— Ты уже думал, что тебе будет так? — И каган провел толстым пальцем черту по воздуху.

Этого жеста боялись все: так Чингисхан осуждал на казнь.

— Я успокоил гнев шаха Хорезма, и он посылает тебе «салям» и письмо.

— Ты успокоил его гнев? Чем? — Голос прозвучал недоверчиво. Глаза всматривались, то расширяясь, то сужаясь.

Махмуд-Ялвач стал подробно рассказывать о приеме у шаха Мухаммеда и о том, как ночью к нему прибыл великий визирь и вызвал для тайной беседы. Говоря это, он положил на широкую ладонь Чингисхана жемчужину, полученную от хорезм-шаха, и подробно изложил все, о чем говорил с Мухаммедом.

Махмуд-Ялвач чувствовал, не подымая глаз, что каган пристально всматривается в него и старается проникнуть в его затаенные помыслы.

— Это все, что ты услышал?

— Если я что-либо забыл, прости меня, неспособного!

Послышалось шипение: каган был доволен. Он ударил тяжелой рукой по плечу Махмуд-Ялвача.

— Ты хитрый мусульманин, Махмуд. Ты неплохо сказал, будто мое войско похоже на струйку дыма во мраке черной ночи. Пусть шах так и думает! Вечером приходите все трое ко мне на обед.

Послы вышли из шатра.

Каган встал, высокий, сутулый, в черной одежде из грубой парусины, перетянутой широким золотым поясом. Тяжело ступая большими косолапыми ногами в белых замшевых сапогах, он прошел по шатру, приоткрыл занавеску и следил, как три посла в белых тюрбанах и пестрых халатах садились на запыленных коней и медленно отъезжали.

— Время «великого приказания» (выступления в поход) приблизилось. Я подожду «счастливой луны».

Глава 6

БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ ЧИНГИСХАНА

Чингисхан не любил спать на лежанках, подогреваемых длинным дымоходом, на каких спали изнеженные китайцы, или на пуховиках, обычных у мусульманских купцов. Каган любил чувствовать под своим боком твердую землю, и китайский старый слуга подстилал ему на ковре только сложенный вдвое кусок хорошо укатанного толстого войлока.

Обычно каган сразу засыпал. Он часто видел сны и заставлял шаманов или мудрого своего советника китайца Елю Чуцай¹ объяснить, что эти сны предсказывают, но их объяснениям не всегда доверял, а поступал так, как считал для себя наилучшим. Проснувшись на рассвете, лежа под теплой собольей шубой, каган думал о десятках тысяч своих воинов и коней, о лучшем пути, на котором население сможет прокормить его ненасытную армию, о содержании оставленных в Монголии его пятисот жен с их детьми, рабынями и слугами. Думал он еще о донесениях многочисленных лазутчиков, которых он заранее рассылал в те земли, куда готовил поход; думал и о своих сыновьях, ревнивых и завистливых друг к другу; думал о своих болях в ногах и суставах, думал и о смерти...

Каган раскрыл немигающие глаза без верхних ресниц и уставился в одну точку. Он смотрел в щель между полотнищами шатра. Синел уголок неба. Звезды уже померкли. Иногда чернела тень часового нукера, который сходил с места, потом медленно возвращался обратно.

Одна тяжелая мысль часто возвращалась к кагану. Накануне похода на запад старая, толстая жена Чингисхана, Буртэ, сказала ему, как всегда, мудрые слова.

«Великий каган, — произнесла она, склонившись головой до земли и тяжело дыша, — ты пойдешь с войском за горы и пустыни, в неведомые страны, на страшные битвы с другими народами. Подумали ты о том, что вражеская стрела может пробить твое могучее сердце или меч иноземного воина разрубит твой стальной шлем? Если из-за этого случится ужасное и непоправимое (она думала, но не решалась сказать слово «смерть») и если вместо тебя на земле останется только твое священное имя, то которому из наших четырех сыновей ты прикажешь быть твоим наследником и владыкой вселенной? Объяви заранее твою волю всем, чтобы потом не возникло войны между нашими сыновьями и братоубийства».

До того дня никто не решался даже намекнуть ему о его старости, о том, что его дни, может быть, уже сочтены. Все твердили, что он

¹ В Китае, во время завоевания столицы, Чингисхану представили Елю Чуцай, потомка раньше царствовавшей династии Киданей. Елю Чуцай славился своим образованием, стихами, знанием китайских законов и придворных церемониалов. Суеверному Чингисхану он больше всего понравился как астролог и предсказатель будущего по звездам. Чингисхан назначил Елю Чуцай своим главным советником по управлению покоренными землями, и Елю Чуцай сделался выдающимся деятелем Монгольской империи. Он отличался нетребовательностью в личной жизни, честностью и умением успокаивать гнев Чингисхана. После смерти у Елю Чуцай не нашли никакого богатства — только книги и астрономические приборы.

великий, неизменный, незаменимый и что вселенная без него стоять не может. Одна только старая, верная Буртэ осмелилась заговорить о смерти...

Или он в самом деле одряхлел? Нет, он еще покажет всем тайным завистникам, что может вскочить на неоседланного коня, поразить дикого кабана копьём на скаку и отвести руку убийцы, задушив его своими сильными пальцами. Он жестко расправится со всеми, кто решится говорить о его слабости или старости...

Но мудрая, смелая Буртэ все-таки была права, сказав тогда о наследнике. Кого же из четырех сыновей назначит он своим преемником? Больше всех желает смерти отца неукротимый и своевольный Джучи, старший сын. Ему теперь сорок лет, и он, наверное, жаждет вырвать у Чингисхана поводья царства, а отца посадить в юрту для дряхлых стариков. Поэтому он отослал сына Джучи подальше, в самый крайний угол своего царства, и приставил к нему тайных соглядатаев, чтобы они доносили о каждом вздохе и помысле Джучи...

Второй сын, Джагатай, больше хочет гибели своего брата и соперника Джучи, чем смерти отца. Пока оба ненавидят друг друга и борются, они не опасны. И он тогда же решил объявить своим наследником третьего сына, Угедэя; он мягкого и беспечного нрава, любит веселые пиры, охоту с соколами, скачки, он не станет рыть яму, чтобы столкнуть в нее отца. Таков же и младший, четвертый сын, Тули-хан. Они оба любят попойки, огонь властолюбия их не сжигает.

Поэтому, отправляясь в поход, Чингисхан объявил наследником престола третьего сына — Угедэя. Но этим он еще более озлобил двух старших сыновей, и ему постоянно приходится быть настороже, ожидать покушения, отравленной стрелы, пущенной из темноты, или удара копья сквозь занавеску шатра...

С тех пор обиженный Джучи находится постоянно вдали, впереди войска, во главе выделенного ему тумена. Он старается отличиться, привлечь к себе любовь воинов, он ищет славы. Он молод и силен... Хорошо быть молодым!

Поворачиваясь с боку на бок, каган часто вспоминал слова старой, толстой Буртэ и думал о своей смерти. Он думал о высоком кургане в степи, где проносятся легкие сайгаки¹ с загнутыми рожками, где высоко в небе медленно кружат орлы... В таких курганах покоятся останки великих богатырей. Самые могущественные владыки народов до сих пор всегда умирали. Но он, Чингисхан, могущественнее всех. Разве кто-либо до сих пор покорял такие обширные земли? Что такое смерть? Говорят, есть такие ученые лекари, волшебники и колдуны,

¹ Сайгак — степной дикий козел.